

Дом на Солянке

Автор:

Валерия Вербинина

Дом на Солянке

Валерия Вербинина

Детективное ретро #5Иван Опалин #3

1928 год. В популярной газете «Красный рабочий» исчезает заместитель главного редактора. Ходят слухи, что он сбежал от жены, но затем выясняется, что в редакционной кассе не хватает огромной суммы. Этим делом занимается начинающий сыщик Иван Опалин. Расследование осложняется тем, что к нему прикрепляют журналиста из газеты, который получил задание написать серию очерков о работе угрозыска. Вскоре Опалин понимает, что его новый знакомый – очень подозрительное лицо...

Валерия Вербинина

Дом на Солянке

Данный роман является вымыслом. Любое сходство с реальными людьми или событиями случайно.

Глава 1

Явление поэта

– Денег нет, – сказал кассир.

– Но позвольте... – начал Басаргин.

– Нет денег, Максим Александрович, – повторил кассир, и в его тоне собеседник уловил нечто вроде сочувствия. – Заведующий распорядился вам не давать. Вы, говорит, материал не сдали. Аванс брали и не вернули...

– Послушайте, – начал заводиться Басаргин, – это какое-то недоразумение. Глебову можно сколько угодно брать авансы и кормить всех обещаниями, Стеничу... а я только один раз... Я статью не сдал, потому что болен был!

– А Поликарп Игнатьевич в курсе? – мягко осведомился кассир. И хотя тон его был предельно корректен, по выражению глаз, по тому, как остро они блеснули под стеклами очков, стало ясно, что человек, сидящий за окошечком кассы в редакции «Красного рабочего», не слишком-то склонен верить в отговорки собеседника.

Басаргин смирился. В конце концов, если он поругается еще и с кассиром Измайловым, ничего хорошего из этого не выйдет. Кассиры – народ злопамятный и всегда найдут способ напакостить, если редакционный работник задел их самолюбие. Придешь, к примеру, деньги получать, а кассир раз – и перерыв объявит или просто захлопнет окошечко без всяких объяснений. Опыт научил Максима Александровича никогда не ссориться с теми, кто ведает финансами: это всегда выходит боком.

– Скажите, – начал Басаргин, нервно растирая лоб, потому что у него вдруг начала болеть голова, – а если Поликарп Игнатьевич...

– Если Поликарп Игнатьевич скажет, что можно, тогда другое дело, – с готовностью отозвался Измайлов. – А так, поймите, нехорошо выходит. Он сам велел – Басаргину авансов не давать...

Чертыхнувшись про себя, Максим Александрович отправился искать заведующего, а найти его было весьма непросто. Редакция «Красного рабочего» помещалась в огромном здании на Солянке, которое некогда было воспитательным домом, а при Советах превратилось в Дворец труда. Сюда, как спички в коробку, кое-как втиснули несколько десятков учреждений, в числе

которых оказались издательства, редакции журналов и газет, художественная выставка, сберкасса, всевозможные профсоюзные организации, почтовое отделение и магазин. Каждое утро трамваи приносили к Дворцу труда сотни служащих, которые ручейками вливались внутрь и растекались по бесчисленным кабинетам. Жизнь кипела в бывших дортуарах сирот, стрекотали пишущие машинки, верстались газетные полосы, из курилки в курилку носились последние сплетни. Человек, который попадал в лабиринт коридоров дворца впервые, был, наверное, очарован здешней суетой, но Максим Александрович Басаргин шагал, как приговоренный к смерти, и думал только о том, что у жены Вари нет приличного зимнего пальто и, стало быть...

- А, Максим!

Кто-то с размаху хлопнул его по плечу, Басаргин дернулся и повернулся. Так и есть - Глебов, его манера. Степан Сергеевич Глебов был розов, щекаст, жизнерадостен, и глаза его взирали на мир с непоколебимой уверенностью в своих силах. Он всюду ходил с трубкой, но, разумеется, совсем не потому, что главный редактор «Красного рабочего» Оксюкович курил трубку. И авансы за статьи Глебову с легкостью давали, конечно, потому что считали его талантливым, а не потому, что он был вхож в дом Оксюковича на правах кого-то вроде жениха.

- Ну? Что? Как? Вообще? - в присущей ему манере сыпал отрывистыми вопросами Глебов и тут же, не дожидаясь ответа, продолжал: - Слышал новость? О Колоскове?

- Нет, - хмуро ответил Басаргин.

Колосков был заместителем главного редактора. В августе он ушел в отпуск и должен был отправиться на юг, где его уже ждала отбывшая ранее жена с детьми, но на место назначения не приехал. Среди сотрудников «Красного рабочего» ходил упорный слух, что Колосков сбежал к любовнице, но кем она была, никто не мог сказать по причине того, что зам умело скрывал свою личную жизнь.

- Нашелся! - Глебов залился счастливым смехом. - Видели его! В Харькове! Там у него пассия... Говорят, певица! И красоточка... Все на месте!

Басаргин слушал, насупившись, и думал: почему все вокруг считают Глебова ловким малым и вообще молодцом, который своего не упустит, между тем как совершенно очевидно, что Степа – самый обыкновенный круглый дурак. «А может быть, он именно этим и берет, – мелькнуло в голове у Максима Александровича, – все видят, что он дурак, потому его не опасаются и хвалят, отлично зная ему цену». Вслед за этим пришла другая мысль, куда менее утешительная: «Но если он дурак, а я умный, почему я не могу выбить какой-то жалкий аванс? Почему...»

– Степа, – прервал он поток фраз Глебова, который живописал пассию Колоскова, ради которой тот бросил жену и троих детей, так увлеченно, словно пять минут назад видел певицу своими глазами, – мне нужен Поликарп, где он?

Заведующий редакцией носил двойную фамилию Федотов-Леонов, которая ставила Басаргина в тупик – да, впрочем, не только его. Так или иначе, по фамилии заведующего никто не называл, а говорили коротко и просто: Поликарп.

– С утра был здесь, – сообщил Глебов. Он сунул в рот трубку, выпустил дым и небрежно добавил: – Он попросил у меня книжку моих рассказов.

Это означало, что Глебов навязал заведующему свою книжку. Степа был косноязычен, не умел придумывать сюжетов и считал, что стряпчий – это повар, но зато у него имелось неоспоримое пролетарское происхождение и три месяца пребывания в Красной армии под конец Гражданской войны. Сейчас, в 1928 году, ему исполнилось 27 лет, и он с энтузиазмом смотрел в будущее, веря, что лично ему оно принесет только хорошее. Максим Александрович Басаргин был на десять лет старше собеседника и весь свой энтузиазм давно растерял. Верил он, пожалуй, только в литературу, которую любил всем сердцем, – но не в литературу Глебовых. Для «Красного рабочего» Басаргин сочинял фельетоны, писал очерки, разбирал бы и шахматные партии, если бы ему это поручили. Все говорили, что у него легкий стиль, не подозревая о том, скольких мучений ему стоит эта легкость. Работой своей Басаргин тяготился и по вечерам сочинял комедию, в которой отводил душу. Весной он отнес пьесу в театр, но шел уже сентябрь, а о пьесе не было ни слуху ни духу. Значит, опять убогая газетная работа без надежды напечататься по-настоящему, отдельной книжкой, опять нужда, опять жалобы Вари...

И он опять не сможет ничем ей помочь.

– Леля, – спросил Глебов у проходящей мимо машинистки в вязаном жилете поверх белой блузки. – Поликарп сейчас не у себя?

Выяснилось, что заведующего недавно видели в кабинете Лапина, который руководил отделом «За оборону СССР». Лапин, человек с суровым обветренным лицом и колючими глазами, не пользовался в редакции особой популярностью. Он прошел всю Гражданскую, ходил с орденом Красной Звезды, после полученных на войне ранений и контузий хромал на левую ногу и был глуховат. Басаргин подозревал, что Лапин, который воевал по-настоящему, а не три месяца, в глубине души презирает своих коллег, людей в массе штатских и к боевым действиям равнодушных. Когда того требовали обстоятельства, он мог изобразить сердечность, но вообще предпочитал держаться особняком и даже в столовой обычно садился за отдельный стол.

– Интересно, что Поликарп забыл у Лапина? – спросил Глебов и, не дожидаясь ответа, высказал догадку: – Наверное, от Кострицыной прячется. Небось опять ему скандал устроила из-за своих выкроек.

Несколько раз в месяц «Красный рабочий» печатал уменьшенные выкройки одежды, и каждый раз происходило одно и то же: места никогда не хватало, в итоге чертеж втискивали на какой-нибудь огрызок в несколько квадратных сантиметров. Рассмотреть пояснения к такому чертежу можно было разве что с лупой, и то не всегда. Это являлось источником постоянных переживаний для создательницы выкроек Кострицыной, которая относилась к своему делу серьезно, обижалась до слез на такое отношение и самозабвенно ругалась с редакторами.

– Поликарп Игнатьевич, ну как вы могли? Вы же обещали! Опять люди жалуются, что ничего не разобрать... Да у вас реклама какого-нибудь «Ночного экспресса» больше места занимает, чем мои несчастные выкройки!

– «Ночной экспресс» – объявление коммерческое, за деньги, – отвечал заведующий. – Фильм с Гарри Пилем[1 - Гарри Пиль (1892–1963) – звезда немецкого кино, актер трюковых фильмов, пользовавшийся в СССР большой популярностью.], сверхбоевик как-никак...

– Поищем Поликарпа у Лапина, – предложил Глебов, поворачиваясь к Басаргину.

Максим Александрович предпочел бы идти один, но Глебов увязался за ним. У Лапина они выяснили, что заведующий уже ушел.

– Кажется, он сейчас у Должанского, – сказал бывший военный.

Должанский занимался в газете поэтическим отделом и был известен тем, что каждому автору вежливо говорил, что его стихи обещают большое будущее. Но Басаргину приходилось наблюдать и другого Должанского, который так выразительно зачитывал вслух худшие места из графоманских виршей, которые ему присылали, что присутствующие буквально катались от хохота.

– Идем к Должанскому, – объявил Глебов, и вдвоем с Басаргиным они покинули кабинет Лапина с портретом Фрунзе на стене.

Максим Александрович повеселел, и даже голова у него перестала болеть. Ситуация стала казаться абсурдной, и по писательской привычке он стал прикидывать в уме сюжет: «Учреждение, затерянное в недрах... ну, скажем, московского небоскреба... Служащие ищут начальника – и никак не могут его найти...»

– Старик, я слышал, ты комедию написал? – донесся до него голос Глебова.

Максим Александрович вздрогнул и остановился возле стенда, который доступными средствами призывал к активной борьбе с пьянством. На самодельном плакате из бутылки вылезала зеленая змея и пыталась вцепиться в синего гражданина, нацелившегося эту бутылку выпить. Судя по решительному виду пьяницы, змее всерьез грозила участь быть употребленной на закуску. Между собой остряки Дворца труда называли этот плакат «Призрак коммунизма» и «Чудное виденье».

– Кто сказал... – начал Басаргин.

– Леля, – ответил Степа, усмехнувшись. – Сказала, что перепечатывала текст для тебя на машинке... И ты просил никому не говорить.

Писатель уже овладел собой и, как ему казалось, принял безразличный вид.

- Ну, слушай... Это так... Первый опыт... Пьесы вообще писать тяжело...

- Я знаю, - небрежно кивнул Глебов. - Сам собираюсь написать одну штучку... Ты куда свою пьесу отнес? К Мейерхольду? В Художественный?

- В Театр сатиры.

- Ну... ну... А что так? Думаешь, там больше шансов? Не, брат. - Только что Басаргин был «стариком», и вот уже Степа определил его в «братья», не замечая, насколько дико звучат такие перемены. - Дерзать надо. Надо дерзать... Сатира - это что? Мещанский театр, мещанская публика... нэпманы...

Басаргину сделалось скучно. Он отлично знал, почему Глебову хотелось попасть на сцену: театр был золотой жилой, драматурги получали не только гонорар за пьесу, но и отчисления с каждого представления. Именно поэтому в театр рвались все, кто с грехом пополам освоил правила правописания, - и именно поэтому в драматургической сфере так ожесточенно топтали конкурентов, не гнушаясь никакими методами. «Ну а я? - подумал Басаргин. - Чего же хочу я? Ведь не ради же денег я затеял все это - точнее, не только ради денег... Хотя какая разница - все равно же ничего не вышло...»

Когда Максим Александрович и его несносный спутник вошли в кабинет Должанского, тот говорил по телефону, время от времени делая заметки на лежащем перед ним листе бумаги. Заведующий редакцией стоял возле окна, засунув руки в карманы. Это был высокий, могучий человек, про которого ходили слухи, что ему довелось одно время быть на Волге бурлаком, чтобы прокормить семью. Он не говорил, а громыхал, и по лицу его, когда он заметил Басаргина, пробежала легкая тень.

- Поликарп Игнатьевич, - бодро заговорил писатель, - я согласовал тему с Эрмансом... - Эрманс был секретарем редакции. - Столетие со дня рождения Льва Толстого...

- Темы надо не с Эрмансом согласовывать, а со мной, - прогромыхал гигант. - Это во-первых. Во-вторых... вы меня простите, Максим Александрович, но о Льве Толстом в этом году только ленивый не писал... На кой черт нам сто первый очерк о Льве Толстом? Что он нам дает?

Басаргин молчал – и не потому, что ему было нечего сказать, а потому, что если человеку надо объяснять значение Льва Толстого, обсуждать с таким собеседником нечего. Должанский бросил на писателя быстрый взгляд и отвел глаза.

– Да, да... – бормотал он в трубку. – Конечно... это может быть интересно...

– А вы, Максим Александрович, подвели редакцию, – продолжал гроыхать заведующий. – Обещали побывать на матче сборной Москвы против сборной Ленинграда, помните? Ну и кто выиграл?

– Пять – три, Москва, – бодро пискнул откуда-то Глебов.

– Я заболел, – мрачно сказал Басаргин.

– Да, как на футбол ходить, так все больные. – Поликарп Игнатьевич недобро прищурился. – А как авансы брать, так почему-то здоровые...

Басаргин мог ответить, что посещение матчей вообще не входит в его обязанности, отделом спорта занимается Стенич, но вспомнил, что тот был в отпуске и поэтому, собственно, злополучный матч свалили на него.

– Чего вы от меня хотите? – не выдержал писатель. – Чтобы я дал статью о матче, о котором все уже забыли? Я же не говорю, что не собираюсь отрабатывать аванс. Лев Толстой вас, очевидно, не устраивает – что же тогда? Нет, ну я не спорю – что такое Лев Толстой против футбола, – добавил он, саркастически скривив рот. – Я могу для отдела театра что-нибудь написать. Для изо. – Так назывался отдел о живописи, графике, скульптуре и архитектуре. – Даже для «Науки и жизни» что-нибудь наплести про омолаживание, о котором сейчас говорят столько чуши...

– Тяжелый вы человек, Максим Александрович, – вздохнул заведующий, качая головой. – Скажите, почему вы перестали писать фельетоны?

Вот, пожалуйста. Начинается.

– Я... кхм... Почувствовал, что стал повторяться... Послушайте, Поликарп Игнатьевич, к чему этот разговор? Вы не хуже меня знаете, что мои последние фельетоны не были приняты.

– И что?

– Так. Не хочется, знаете ли, работать впустую.

– Ты, старик, не прав, – вклинился Глебов. – У меня тоже не все принимают... так что ж теперь, не писать?

Заведующий пристально посмотрел на Басаргина, побарабанил пальцами по столу.

– Скажите, как вы смотрите на то, что мы отправим вас брать интервью у Горького? – неожиданно спросил гигант.

Даже не глядя на Глебова, Басаргин почувствовал, как тот замер и напрягся. Однако – неужели Степа претендовал на то, чтобы встретиться со стариком и выудить у него несколько абсолютно ничего не значащих шаблонных фраз? В этом году Горький вернулся в СССР после нескольких лет отсутствия, но ходили слухи, что он вот-вот снова уедет обратно в Италию. Ходили, впрочем, и другие: уехать ему не дадут, потому что время такое – пролетарские писатели нужны здесь, а не где-то за границей, где они общаются черт знает с кем.

– Мне с товарищем Горьким говорить не о чем, – твердо и четко промолвил Басаргин, глядя заведующему в лицо.

«Взорвется? Станет кричать, что я ничего не понимаю? Ну и пусть».

– О Льве Толстом могли бы поговорить, – мягко, к его удивлению, заметил заведующий. – Алексей Максимович же знал его... Что нам с вами делать, Максим Александрович? – сам себя спросил он и тут же ответил: – Вот что. Дайте нам рассказ. Для литературной странички. В завтрашний номер...

Басаргин похолодел.

– В завтрашний номер ведь рассказ Черняка взяли... – заикнулся было Глебов.

Заведующий махнул рукой.

– Плагиат. Из «Сатирикона»[2 - «Сатирикон» и «Новый Сатирикон» - дореволюционные юмористические журналы, пользовавшиеся огромной популярностью (главный редактор – Аркадий Аверченко)]. Думал, раз старый журнал, то никто не догадается, но я все равно вспомнил, где читал его раньше... Не слово в слово, но явно плагиат. Даже некоторые имена совпадают.

– Вы хотите, чтобы я написал рассказ сегодня и сдал его до вечера? – спросил Басаргин сердито.

– Так ведь аванс вы взяли? Вернуть его не можете? Конечно, нет. Дайте мне нормальный рассказ. С человеческой интонацией, как вы умеете – а вы умеете. И не надо мне говорить, что у вас нет темы для рассказа, что вы больны и прочее. Не надо! Все у вас есть. Поймите, Максим Александрович, когда Колосков вернется – а он вернется, – он опять поставит вопрос о вашем увольнении.

– Опять? – машинально переспросил писатель.

– Ну, да. Вы совершенно зря с ним повздорили, лишнее это. Он еще до отпуска хотел вас выставить, но... в общем, не важно. Напишите хороший рассказ, чтобы мне было что предъявить. Мол, вы ценный работник, сколько лет отдали газете. Анкета у вас, правда, нехорошая...

Сидевший за столом Должанский повесил трубку и, потирая переносицу, несколько мгновений задумчиво смотрел на исписанный лист на столе. Потом взял его и, изодрав в клочья, выбросил в мусорную корзину, уже наполовину наполненную обрывками.

– Пойду покурю, – неизвестно кому сообщил он и вышел из кабинета.

– Доклад бы вам сделать какой-нибудь на общем собрании, о первой пятилетке, например, – продолжал Поликарп Игнатьевич. – Ну, подумайте... Жду рассказ. И никаких отговорок, Максим Александрович!

Он удалился, скрипя сапогами. Басаргин предпочел бы, чтобы Глебов тоже убрался вместе со своей вонючей трубкой и оставил его одного, но Степа мешкал.

– Ты это серьезно, о Горьком? – спросил он наконец. – Но так же нельзя. Он живой классик.

– Сволочь он, – не удержался Басаргин и тотчас же об этом пожалел. Нашел с кем откровенничать, в самом деле. Разнесет Глебов эти слова по редакции, и представят его в контрреволюционном свете. Мало ему подозрительной анкеты и непролетарского происхождения!

– Не, ну, сволочь не сволочь, – промямлил Степа, в непритворном изумлении глядя на собеседника, – но ведь такой случай представляется... Он молодых писателей любит...

– Какой я молодой, – бросил Басаргин в сердцах.

Он был худощав, светловолос, выражение лица упрямое и ироническое одновременно. Глаза казались светлыми до прозрачности и, казалось, всякого, кто приближается к их обладателю, могли прочесть до самого донышка души, где плещется жижица затаенных страстей и дремлют чудовища, которым нужен только повод, чтобы пробудиться. И хотя костюм Максима Александровича явно не мог похвастаться новизной, носил его Басаргин, как принц в изгнании. Редакционные барышни находили писателя «интересным мужчиной», коллеги считались с его мнением, а он – он являлся в редакцию, как на каторгу, и каждый вечер мучительно, неотступно думал, на что он тратит свою жизнь и когда наконец придет хоть что-то настоящее, ради чего...

Его отвлек тенорок Глебова, который никак не мог слезть с темы Горького и зудел:

– Все знают, что Алексей Максимович любит возиться с начинающими, советы дает, то-се... Зря ты о нем так, старик! Пришел бы на интервью, ну и... того... мог бы с ним поговорить заодно... Насчет твоих книжек. Ну, или пьесы... А что? Он мог бы похлопотать... наверное. Наверху его слушают...

Дверь отворилась, взвизгнув, как рыночная торговка, которой попытались всучить фальшивый червонец, и на пороге возникло новое лицо. Это был молодой брюнет угрюмого вида, одетый вполне по советской моде 1928 года, то есть черт знает как – в гимнастерке, темно-серых брюках и почему-то новеньких бежевых ботинках. Поверх гимнастерки красовался бесформенный черный пиджак явно с чужого плеча.

– Вам кого, товарищ? – спросил Степа.

Вместо ответа незнакомец смерил его взглядом и переключился на Басаргина.

– По-моему, ему Должанский нужен, – негромко заметил Максим Александрович коллеге.

Глебов развеселился: спасаясь от визитов самопровозглашенных поэтов, Должанский даже обзавелся дверной табличкой с надписью «завхоз», но ничто не помогало. Имя было на слуху, его знали, ему несли и несли километры виршей – нескладных, безграмотных, кое-как срифмованных, восхваляющих революцию, ругающих контрреволюцию – и как можно было предъявлять претензии к их авторам, когда ведущие журналы были забиты точно таким же псевдопоэтическим хламом, только срифмованным чуть лучше и написанным более гладко?

– А, значит, ты Должанского ищешь! – Степа приосанился. Сталкиваясь с неопытными новичками, он особенно остро чувствовал свою значимость, а ему ужасно нравилось быть значительной персоной. – Если у тебя стихи про революцию, они могут пойти к 7 ноября, а сейчас рано.

– Про революцию для нас Маяковский напишет, – не удержался Басаргин. – Черта с два он кому уступит свое место...

– Ну вот, видишь, – продолжал Степа, обращаясь к посетителю, который молчал, буравя его взглядом. – Про революцию, чтоб тебя напечатали, надо очень хорошо писать. Или у тебя про деревню? Лучше бы про завод, газета-то рабочая. Сразу же тебе скажу: лирика не пойдет, упадочное сейчас не годится. Нужно про классовую борьбу, актуальные проблемы...

Незнакомец вздохнул и полез в карман.

– Московское управление угрозыска, помощник агента Опалин, – заученной скороговоркой пробубнил он, предъявляя удостоверение. – Ваши документики, граждане, а затем мы с вами побеседуем под протокол.

Глава 2

Потревоженный улей

Опалин сразу почувствовал, что его собеседники насторожились. Румяный пижон с трубкой, тыкавший ему, нашелся быстрее, чем второй – худощавый остролицый блондин с прозрачными глазами и независимым выражением лица.

– Э-э... это вы по поводу украденной машинки пришли?

– Какой еще машинки? – хмуро спросил Опалин и прикусил язык, но было уже поздно. Надо было потянуть время, послушать, что они будут говорить, а теперь они точно знают, что он тут не из-за машинки вовсе.

– «Ундервуд», хорошая машинка была, – вздохнул блондин. – Весной пропала из кабинета машинисток. До сих пор не могут понять, как ее вынесли.

– 800 рублей стоила, – добавил пижон. – Тогда еще гражданин какой-то ходил по коридорам, книжки пытался продавать. Наверное, он ее и спер.

– Но если вы не из-за машинки, зачем же вы здесь? – осведомился блондин, испытующе глядя на посетителя.

– Вам известен гражданин Колосков Алексей Константинович? – спросил Опалин официальным тоном, который плохо вязался с его тонкой шеей и молодым лицом.

– Конечно, известен, он зам Оксюковича! – вскинулся пижон. – А что с ним такое?

Опалин кашлянул:

- Ну... пропал. Вот, разбираемся.

- Это вы зря разбираетесь, - не удержался Степа. - Он в Харькове, с одной... С любовницей своей, короче.

- Вы его там видели?

Вопрос был задан вполне вежливо, но Глебов почему-то смутился.

- Я... мне Марья Дмитриевна сказала...

- А Марья Дмитриевна - это кто?

- Тетерникова, наша старшая машинистка, - ответил за Глебова Басаргин.

- Работает в этом же здании?

- Да, - кивнул пижон.

- Вот и отлично. Давайте ее сюда.

На лице Степы выразилось смятение. Не то чтобы он не привык быть на посылках, но ему куда больше нравилось выполнять поручения лиц, более значительных, чем он сам, а Опалин с его юношеским лицом и странной одеждой не внушал достаточного пиетета. Помявшись, Глебов скрылся за дверь: он рассудил, что произведет в редакции впечатление известием о появлении агента, который расследует бегство Колоскова. На столе Должанского зазвенел телефон, но Басаргин и не подумал брать трубку.

- Я не знаю, что там сказала Марья Дмитриевна, - начал он, - но учтите, пожалуйста, что наши барышни любят пофантазировать...

- Это кто сейчас вышел? - спросил Опалин, покосившись на дверь.

Только теперь Басаргин разглядел возле его виска довольно широкий зарубцевавшийся шрам, отчасти скрытый давно не стриженными темными

волосами. «Однако... кастет, что ли? Нет, не похоже... А может быть, и кастет... Опасно у них там, в угрозыске, ох, опасно...»

– Его зовут Глебов, Степан Сергеевич, – ответил он на вопрос собеседника. – Он тут работает.

– А вы?

Басаргин назвал себя и добавил, что тоже трудится в «Красном рабочем». В доказательство ему пришлось предъявить редакционное удостоверение с фотографией, печатями и подписями.

– Профсоюзная книжка у меня дома хранится, – пояснил он.

В то время профсоюзная книжка была основным документом, удостоверяющим личность, но так как далеко не все граждане состояли в профсоюзах, то показывали любой документ, который был под рукой. Мысленно Басаргин приготовился к вопросу о том, почему книжка находится дома, но Опалин ничего не стал говорить, а сел за стол и внимательно прочитал все, что значилось в удостоверении, включая адрес и телефон редакции.

– Вы хорошо знали Колоскова? – спросил он, подняв глаза на Басаргина.

– Мы работали вместе. Конечно, знал. А что с ним случилось?

– С чего вы взяли, что с ним что-то случилось? – осведомился Опалин неприятным голосом.

«Щенок», неожиданно рассердился писатель. Корчит из себя важную персону, пользуясь тем, что он представитель власти, у которого есть право задавать любые вопросы.

– Вы о нем говорите в прошедшем времени, – язвительно напомнил Басаргин. – Так, словно его больше нет.

И он с удовлетворением отметил, как нахмурился его собеседник. Тоже мне, вздумал таинственность разводить! Мальчишка.

– Ну, есть или нет, еще предстоит разобраться, – проворчал Опалин, исподлобья глядя на собеседника. – Знаете, обычно, когда люди исчезают, их потом находят... не очень живыми.

Выражение «не очень живые» живо напомнило Басаргину Матюшина, который в газете отвечал за хронику происшествий и периодически выдавал перлы вроде «был убит насмерть». Но тут вернулся Должанский и с удивлением поглядел на юнца, устроившегося за его столом. В нескольких словах Максим Александрович объяснил, в чем дело.

– Очень приятно, я Должанский, Петр Яковлевич... кхм... Да, конечно, можете взять бумагу. Чернила не очень, но уж какие есть...

Опалин стал заполнять протокол. Переписав из удостоверения Басаргина сведения о нем, он вернул писателю документ и стал задавать вопросы по существу. Когда Максим Александрович последний раз видел Колоскова? Не казался ли он встревоженным? Были ли у зама враги?

– Ну, видел его, – бормотал Басаргин, морща лоб, – в середине августа, перед тем, как он должен был уехать в отпуск... Где? Да здесь же... в смысле, в этом здании. Враги? Ну... мы не были с ним коротко знакомы, чтобы я знал такие, гм, интимные подробности...

Все происходящее начало его забавлять: серьезность агента МУУРа, который расследует таинственное исчезновение человека, удравшего к любовнице, казалась нелепой, вопросы – лобовыми и глуповатыми. «Ему бы подучиться где-нибудь, – подумал Басаргин, заметив, что Опалин пишет с орфографическими ошибками, – лицо-то у него неглупое... А вот шрам нехороший. Кто-то пытался ему голову проломить... интересно, кто это был?»

Меж тем Степушка Глебов суетился, бегая из кабинета в кабинет, и рысцой преодолевал извилистые и длиннейшие, как путь к духовному очищению, коридоры трудового дворца. Хотя Опалин недвусмысленно послал Степу за старшей машинисткой, инстинкт подсказал Глебову, что прежде всего о визите незваного гостя надо поставить в известность редактора.

Он метнулся к Оксюковичу, но узнал: тот только что уехал по делам в казенном автомобиле. Тогда Степа побежал искать заведующего и настиг его в одной из курилок.

– Поликарп Игнатьевич, там агент МУУРа... – выпалил запыхавшийся Глебов. – Про Колоскова вопросы задает...

Поликарп раздавил окурки папиросы и пожелтел лицом.

– Это Ксения, идиотка, везде бегала и требовала, чтобы ей вернули мужа, – проворчал он. Ксения Александровна была супругой без вести пропавшего зама. – Как зовут-то?

– Кого? – спросил Глебов, всем лицом, интонацией, наклоном фигуры и даже трубкой выражая готовность услужить.

– Да агента этого.

Фамилия незваного гостя меж тем вылетела у Степы из головы.

– Павлов, что ли, – неуверенно сказал он, поразмыслив. – Молодой совсем. Я ему сразу выложил, что Колоскова в Харькове с бабой видели. Он очень заинтересовался...

– Разве в Харькове? – хмуро спросил Поликарп Игнатьевич. – Я слышал, в Ялте...

– Да он бы в Ялту не поехал, там после землетрясения до сих пор дома рушатся, – жизнерадостно встрял Степа.

Грандиозное землетрясение[3 - О нем рассказывается в романе «Ласточкино гнездо».] предыдущего года до сих пор аукалось Крыму, и хотя «Красный рабочий» время от времени публиковал бодрые заметки о том, что все санатории уже восстановлены и опасности для жизни нет никакой, ехали туда отдыхать в 1928-м лишь самые отчаянные люди. Насколько Поликарп знал Колоскова, к таковым зам не относился.

– Черт знает что такое, – проворчал заведующий. – Где сейчас этот Павлов?

– У Должанского. Потребовал, чтобы я привел Марью Дмитриевну. Это от нее я услышал насчет Алексея Константиновича...

– Ну раз Марья Дмитриевна сказала... – каким-то неопределенным тоном протянул Поликарп Игнатьевич.

Глебов постоял на месте, ожидая дальнейших распоряжений, но их не последовало. В курилку вошли посторонние, и Степа удалился, а заведующий отправился на поиски Матюшина.

– Вася, – с места в карьер начал заведующий, поймав репортера в коридоре, – я прямо удивляюсь, ей-богу. С угрозой постоянно на связи, а нас предупредить не мог?

– О чем предупредить? – изумился тот.

– О том, что они агента к нам пришлют, насчет Колоскова.

Матюшин насупился. Он был мелок, рыжеват и невзрачен, страдал от язвы желудка и больше всего боялся, что она перейдет в рак, как у одного из его родственников. Положение Матюшина в редакции было незавидное, несмотря на то что рубрика «Происшествия» оставалась неприкосновенной и публиковалась в каждом номере. Он не любил материал, с которым приходилось иметь дело, и, хотя рисовался этаким циником, не мог избавиться от подспудного чувства неловкости, описывая приметы найденных трупов, разложившихся утопленников и рассказывая о задавленных трамваем детях. Больше всего он хотел попасть в рубрику о театре и кино, но там распоряжался вальяжный Гомберг, к которому редакционные барышни бегали за контрамарками и билетами на лучшие фильмы. Матюшин завидовал Гомбергу: еще бы, ведь тот вращался среди драматургов и киношников и всякий раз приносил в трудовой дворец свежие сплетни из этого манящего и далекого мира. Самого Матюшина в редакции с легкой руки Басаргина величали «убитый насмерть», из-за чего он сильно невзлюбил Максима Александровича. Ну подумаешь, допустил человек ошибку, так обязательно надо к нему цепляться. (Того, что такие ошибки он допускал постоянно, репортер, разумеется, упорно не замечал.)

– Ну она в угрозу бегала... – промямлил Матюшин, почесав щеку.

– Кто?

– Да Колоскова. Наверное, они и прислали человека, чтобы отвязаться от нее.

– А ты позвони им и спроси, – тихо, но веско молвил заведующий. – Смешно! Из газет мы теснее всего с ними сотрудничаем, а они даже не предупредили...

Дав задание Матюшину, он пошел искать журналиста Беспалова, который нашелся в кабинете машинисток. Беспалов писал для рубрики «Из зала суда» и давал отчеты обо всех мало-мальски значимых уголовных процессах, которые происходили в Москве. Расхаживая по кабинету, репортер диктовал Леле текст для очередного номера, который сочинял на ходу. Из его кармана торчал засаленный блокнот, в котором он обычно делал заметки во время заседаний, но Беспалов в него даже не заглядывал, так как все обстоятельства и фамилии помнил наизусть.

– Ну, – спросил заведующий весело, – кто кого облил кислотой, кто кого зарезал? Или опять растраты?

Репортер сделал протестующий жест и додиктовал машинистке фразу до конца. Несмотря на молодость, Беспалов был почти лыс, но ничуть не унывал по этому поводу. В редакции его обожали за жизнелюбие и трудоспособность. В отличие от Матюшина, Беспалов любил свой материал и знал ему цену. Суды, на которых он бывал, нередко разбирали самые омерзительные дела – об отцах, которые убивали детей от бывших жен, чтобы не платить алименты, о ревнивых бабах, которые плескали кислоту в лицо соперницам или сожителям, об изнасилованиях и бандитских нападениях, – подтверждали его убеждение, что вокруг сплошное зверье, которое только и ждет случая, чтобы вцепиться своему ближнему в горло. Но он тщательно скрывал свою мизантропию и потому казался своим в доску человеком, неглупым, практичным и твердо стоящим на земле.

– Так, ерунда, алиментное дело, – ответил Беспалов на вопрос заведующего, – но публика будет в восторге. – Не удержавшись, он стал рассказывать: – Уехала дамочка отдыхать и шлет любовнику телеграмму: «Поздравляю, ты отец!» А он точно знал, что она, когда уезжала, не была беременна. Скандал! Она приезжает, предъявляет ему ребенка и требует – плати алименты! Пожалте треть зарплаты, папаша – а зарплата у гражданина ого-го, не 40 рублей в месяц.

И стала его натурально шантажировать – я на работу пожалуюсь, всем расскажу, в газету напишу. Но он не робкого десятка, заявил на нее в угрозыск. Короче, позаимствовала она ребенка у родственницы, чтобы поправить свои дела...

Леля за машинкой хихикнула, но, заметив выражение лица заведующего, тотчас согнала с лица улыбку.

– Тьфу, – сказал Поликарп Игнатьевич в сердцах.

– Анекдот! – хмыкнул Беспалов, поблескивая глазами.

– Шура, – неожиданно спросил заведующий, – как ты думаешь, что с Колосковым приключилось? Из угрозыска агент пришел, – пояснил он.

– А что с ним могло случиться? – пожал плечами репортер. – Ну, если нашли труп, жену бы вызвали на опознание... Стой, а Матюшин что говорит?

– Он не в курсе.

– Да? Слушай, будь другом, объясни ему, что нельзя называть налетчиком того, кто на улице срывает шапку с прохожего или отнимает сумку. Опять он написал «налетчик вырвал сумку». Ну глупо же! Налетчик – это другое совсем...

– Ладно, ладно, я в следующий раз лично вычитаю хронику, – посулил заведующий и тотчас забыл о своем обещании. – Слушай, а может, он под поезд попал?

Беспалов сморщил лоб:

– В смысле, Колосков?

– Ага.

– М-м, – репортер нахмурился, – что-то как-то... Не похож он на человека, который может попасть под поезд. Такой, – он сделал крохотную паузу, подбирая самый точный, с его точки зрения, эпитет, – обстоятельный,

осторожный гражданин... На вокзал всегда заранее приезжал. И потом, если он попал под поезд, когда уезжал, что ж они только сейчас спохватились?

- Ну, может, не могли установить личность.

- Эти? - Беспалов сделал брови домиком. - Эти очень быстро все устанавливают, когда им нужно. Но если даже допустить, что он каким-то образом свалился под поезд, при чем тут угрозыск?

- Столкнули? - предположил заведующий.

- Ну, если убийство, тогда да. Слушай, а агент что говорит?

- Я его еще не видел. Хотел сначала с тобой посоветоваться.

- О чем? Надо сначала понять, что им известно. Одно дело, если они формально проводят дознание по требованию жены, которая их допекла, и другое - если у них что-то есть. Ты понимаешь, о чем я?

- Понимаю. Ты в курсе, что о Колоскове говорят? Что он к любовнице сбежал вообще-то.

- И прячется от жены? - Беспалов задумался, шевеля бровями. - Знаешь, жену-то он, в принципе, бросить мог, нет такой бабы, которая бы в конце концов не надоела. Но детей своих он очень любил, в этом я уверен. Не стал бы он их бросать.

- Так дети уже не маленькие. Может, у него на стороне новый ребенок появился?

Репортер снова задумался. Наконец он признался:

- Не знаю. Что-то в этой истории странное... А ты больше ничего не знаешь? Может, тут не любовница вовсе? Может, у него другие причины были, чтобы сбежать?

- Да какие могут быть причины, - проворчал заведующий. - И что я могу знать, в самом деле?

Тут он солгал – или, по крайней мере, сказал не всю правду. Беспалов бросил на него быстрый взгляд и насторожился. «Эге-ге... Да тут жареным пахнет. Что-то он точно знает, сволочь, но говорить не хочет... Не из-за любовницы он так беспокоится и даже не из-за Колоскова. Тут у него самого пригорает... ах, сукин сын!»

– Тогда я не вижу причин для беспокойства, – объявил он вслух, нацепив на лицо самую сердечную, располагающую улыбку. – Уверен, все разъяснится. Кто куда поехал... и к кому...

– Он же член партии, – не выдержал Поликарп Игнатьевич. – Могут прицепиться к аморальному поведению...

Беспалов ощутил острое разочарование: «Так ты из-за этого нервничаешь? Прицепятся к одному члену редколлегии, потом станут проверять остальных, на собраниях нервы трепать...» Но, внимательнее посмотрев на заведующего, он снова решил, что тот врет. «Нет, тут не партбилет... Все, что угодно, говорит, кроме дела. Как свидетели в суде, которые несут всякую околесицу, пока их не прижмут...»

– Ладно, – сжалился над собеседником репортер, – я сейчас закончу диктовать, пойду посмотрю, что там за птица из угрозыска такая... прилетела, так сказать... Леля! На чем мы остановились?

– «Шантажистку привлекли к ответственности», – ответила машинистка, бросив взгляд на последнюю напечатанную строку.

– А, да. Пишите дальше... Гхм! «Замоскворецкий нарсуд под председательством товарища Битюгова...»

Леля застучала на машинке. Под стрекотание клавиш и мелодичное позвякивание каретки заведующий вышел из кабинета. Вытерев платком лицо, Поликарп Игнатьевич отправился в кабинет Должанского, где неизвестный ему агент угрозыска выяснял обстоятельства таинственного исчезновения заместителя главного редактора.

Глава 3

Шансы Дракона

Время катилось к полудню. Дворец труда кипел, как чайник, забытый на примусе. Стопка исписанных листков перед Опалиным все росла. Агент, точнее, помощник агента угрозыска был серьезен, методичен и дотошен. Он вежливо, но твердо пресекал любые попытки сократить дистанцию, общался исключительно на «вы» и требовал, чтобы его звали Иваном Григорьевичем. Все сразу же решили, что он звезд с неба не хватает, и, по правде говоря, Максим Александрович Басаргин придерживался такого же мнения.

Ему казалось нелепым, что разговор с каждым новым свидетелем Опалин начинает с шаблонного набора вопросов. Насколько хорошо вы знали Колоскова? Когда вы в последний раз его видели? Как он тогда выглядел? Не казался ли взволнованным, обеспокоенным чем-то? Были ли у него враги? Что вы думаете о его исчезновении?

Писатель выходил из кабинета Должанского и снова туда возвращался, но не из любопытства, а совсем по иной причине. Над Басаргиным как дамоклов меч висело обязательство сочинить рассказ и представить его самое крайнее к пяти часам вечера, и Максим Александрович чувствовал, что героем рассказа вполне может быть этот не по возрасту серьезный молодой человек со шрамом на виске.

Но рассказ не вытанцовывался. Материал сопротивлялся изо всех сил – а может быть, у Басаргина не хватало сноровки или, черт его знает, таланта.

«Допустим, пришел агент угрозыска в учреждение, где украли пишмашинку...»

Но воображение Максима Александровича никак не реагировало ни на слово «учреждение», ни на агента. Они не обрастали деталями, не перемещались из скучной реальности в волшебный мир вымысла, а свинцом лежали в мозгах.

Он выкурил три папиросы, а четвертую занял у Должанского, которого Опалин фактически выжил из кабинета. Петр Яковлевич Должанский был сутулым шатеном с мелкими правильными чертами лица и непроницаемыми глазами. Он редко улыбался и, даже когда Басаргину удавалось рассмешить его какой-

нибудь удачной шуткой, усмехался лишь одной половиной рта, в то же время иронически вздергивая бровь. О прошлом Должанского Максим Александрович знал, что тот до революции успел поучиться в реальном училище и был типографским работником. Служа в типографии, он пристрастился к книгам и таким образом приобрел множество дополнительных знаний. Это объясняло тот факт, что человек из реального училища очень хорошо осведомлен в некоторых предметах, которые даже в гимназии не преподают. Басаргин ценил Петра Яковлевича за начитанность, культурность и хороший литературный вкус, который имел особенную ценность в эпоху, когда художественные достоинства любой вещи упорно пытались связывать со степенью ее верности идеологии.

- Этот Опалин, кажется, думает, что сумеет пройти по цепочке и выяснить, кто видел Колоскова в Харькове, - заметил Должанский, шурясь сквозь дым. - Марья Дмитриевна сказала, что слышала насчет зама от Кострицыной. Опалин взялся за Кострицыну, она сослалась на Стенича, но тут явился Поликарп и спутал все карты. Он выразил недовольство, что из угрозыска явились, не предупредив их, и допрашивают людей в рабочее время. Агент предложил Поликарпу позвонить в Большой Гнездниковский и пожаловаться его начальству на то, что он делает свою работу. - В то время Московское управление уголовного розыска, сокращенно именовавшееся МУУР, помещалось в старом здании сыскной полиции. - Тут Поликарп, конечно, дал задний ход...

- Он говорил о Колоскове в прошедшем времени, - вырвалось у писателя.

Должанский покосился на собеседника, сунул в рот папиросу и задумался.

- Любопытно, - проговорил он наконец. И повторил: - Любопытно.

В курилку с жеребьячим ржаньем вошли комсомольцы из газеты с дивным названием «Голос текстилей», редакция которой тоже размещалась во Дворце труда. Не сговариваясь, Басаргин и Должанский ретировались на лестницу.

- До чего же все ужасно, - вырвалось у писателя.

Он уже тысячу раз, не меньше, зарекся говорить на эту тему, но все равно не мог удержаться.

– Вы об Алексее Константиновиче? – очень спокойно спросил Должанский, но что-то – то ли взгляд, то ли интонация, то ли все вместе – говорило, что он отлично понимает: речь вовсе не о пропавшем заме.

– Конечно, о нем, – хмуро подтвердил Басаргин. – А о ком же еще? Боже, чего бы я только не отдал, чтобы вернуть...

Он умолк. Должанский молчал, пуская сизые кольца дыма.

– Доклад о пятилетке, – с горькой усмешкой продолжал Максим Александрович, болезненно дергая рукой, – фельетоны зарезали, потому что нужно то, что пишет Эрманс, – казенное обличение Чемберлена, Лиги Наций и... впрочем, не важно. Теперь вот – рассказ. Срочно. О чем мне писать рассказ? Ума не приложу. Если бы мне нравилось бодро врать, как Глебову, о нашем времени, тогда бы я написал что угодно. Но я не Глебов – не знаю, к счастью или к несчастью... Литература чудовищна, – добавил он уже другим тоном. – Точнее, то, что притворяется литературой. Сотни писателей, тысячи лезут из всех щелей, как тараканы... Бумаги не хватает их издавать! А настоящих писателей всего полтора человека – Михаил Булгаков и Алексей Толстой...

– Бунин еще, – негромко напомнил Должанский. – Зайдите ко мне завтра, у меня его книга есть. Новая.

Писатель как-то вдруг успокоился, и собственный пафос показался ему нелепым. «В магазинах хлеба нет, с продовольствием черт знает что творится, а я тут витийствую, переживаю за русскую литературу... Проглотит она всех бездарей, которые пытаются к ней примазаться, и не таких проглатывала... И будут они лежать общей кучей в одной литературной братской могиле, никому не нужные и всеми забытые... Не помогут им ни звания, ни отдельные квартиры...»

– Я приду, – пообещал он, не уточняя, откуда у собеседника книга опального писателя-эмигранта и почему тот не желает просто принести ее в редакцию.

В следующее мгновение Басаргин увидел, как по лестнице снизу плывет белая кепка. Под кепкой располагался представительный гражданин – крупный и рыхлый, с глазами-щелочками и добродушной усмешкой. Несмотря на мирный вид, гражданин обладал сокрушительным ударом левой и однажды прославился тем, что утихомирил нокаутом профессионального боксера, разбушевавшегося

на трибуне во время дерби.

– А, Ракицкий! – приветствовал его писатель. – А у нас тут агент угрозыска пришел. Интересуется насчет Алексея Константиновича.

В «Красном рабочем» Ракицкий занимался отделом бегов. Он знал всех жокеев и всех лошадей, а о последних вообще мог говорить часами. Помимо программ бегов и отчетов о тех, которые уже состоялись, Ракицкий составлял прогнозы и пытался предугадать, кто будет победителем. Как и любые прогнозы, они сбывались далеко не всегда, и сотрудники, потерявшие деньги, не стеснялись высказывать Ракицкому свое неудовольствие. Впрочем, оно никогда не мешало им на следующий день снова ловить коллегу в редакции и выпытывать у него, какая лошадь верная.

– Ракицкий, – пронзительным голосом закричала с верхней площадки Теплякова, писавшая для отдела «В мире домашней хозяйки», – голубчик, подскажите, подскажите лошадь! Очень нужно, очень! Погибаю!

– У Дракона неплохие шансы, – сообщил Ракицкий. – В третьем заезде.

– Голубчик, я не люблю драконов! А больше никого нет?

– Ну, попробуйте Мумм-Экстра-Дрей. Зонтик еще бежит, в пятом.

– А Стрекоза? – осведомился писатель, и в глазах его полыхнули иронические искры. Клички, которые давали лошадям, поражали воображение, и корректоры то и дело звонили Ракицкому по телефону, чтобы уточнить, действительно ли в заезде участвуют Трамвай, Ваня-Верти, Вампир, Мазурик, Кутерьма, Пуля, Привет, Раскидай и Как-Нибудь.

– Стрекоза болеет, – серьезно ответил Ракицкий, поворачиваясь к Басаргину. – Сбежал, значит? Кассу уже проверяли?

Максим Александрович открыл рот, но тотчас же закрыл его.

– Еще нет, – ответил за него Должанский.

- А надо бы, - веско молвил завсегда с бегов.

- Гм... Вы думаете...

- Да что тут думать, - оборвал Максима Александровича Ракицкий, - по какой причине у нас чаще всего исчезают совслужащие, даже самые примерные? Да по причине растраты. Уперли казенные деньги, и адью.

- Послушайте, - не выдержал писатель, - но ведь Колосков не вчера пропал... а после этого Измайлов выдавал и зарплату, и авансы. Так что с деньгами все в порядке. Иначе в редакции уже давно все стало бы известно...

- Ну не знаю, не знаю, - протянул знаток лошадей, хмурясь. - Объявления-то публикуются исправно, так что деньги в любом случае поступают. И немалые!

Басаргину было нечего возразить. Все отлично знали: если «Красный рабочий» идет на расхват, то именно из-за четвертой полосы, где помещались объявления всех сортов и видов, а также третьей, на которой печатали репортажи Беспалова из зала суда и хронику происшествий. Первые две страницы мало кого интересовали, хотя именно на них помещали последние новости мира и СССР, карикатуры художника Окладского на злобу дня и скверного качества фотографии. Однако неблагодарная публика, едва скользнув взглядом по картинкам, торопилась развернуть газету и погружалась в захватывающее описание уголовного процесса, изучала перечень фильмов в кинотеатрах и объявления об обмене комнат. А между тем политические новости были, прямо скажем, интереснейшие и могли дать сто очков форы любому боевику, если бы их подавали человеческим языком, но на такое, само собой, никто бы не отважился.

- А ведь с ним мог просто несчастный случай произойти, - задумчиво уронил Должанский. Ракицкий с удивлением поглядел на коллегу.

- Что ж он тогда не дал знать о себе?

- Может, в больнице где-нибудь лежит, весь переломанный.

– В больнице? Да его жена, когда домой вернулась, все больницы обзвонила. Нет его там. Нет, я все-таки ставлю на деньги, – добавил Ракицкий сквозь зубы, усмехаясь. – Если в угрозыске знают свое дело, месяца через три-четыре мы увидим товарища Колоскова на скамье подсудимых, помяните мое слово!

Пока сотрудники «Красного рабочего» обсуждали, не скрылся ли зам из-за растраты, Опалин в кабинете Должанского занял круговую оборону против Беспалова, который явился прощупать его и выведать, что, собственно, ему известно. Репортер применил безотказный трюк – подавшись навстречу собеседнику и глядя ему в глаза, он заговорил:

– Слушай, Ваня, чего мы тут вола вертим? Мы на одной стороне, я из зала суда не вылезаю, все знаю, как оно бывает, посмотрелся – на три жизни хватит... Чего там с Колосковым-то? Ведь есть же у тебя что-то, по глазам вижу!

Помощник агента Опалин, который предпочитал, чтобы его называли Иваном Григорьевичем, насупился.

– Я вообще не должен был этим делом заниматься, – буркнул он. – Так что о вашем Колоскове ничего не знаю. Мне объяснили, что к чему, велели взять показания и доложить, что да как. Ну и вот...

Но Беспалов, побывавший не на одной сотне процессов, уже давно излечился от скверной привычки верить людям на слово. Чем упорнее Опалин стоял на своем, тем крепче репортер утверждался в мысли – сопляку что-то известно, но он темнит, потому что ему по профессии так полагается.

– Ну, знать-то ты, может, и не знаешь, но ведь подозреваешь же? – наседал на собеседника репортер. – Слушай, ну уж со мной ты мог бы поделиться! – Он попытался включить у сопляка режим вины, но по выражению лица Опалина понял, что на него это не действует. Толстокож и удивительно нечуток был юный сотрудник уголовного розыска, и Беспалову никак не удавалось нащупать кнопку, нажав на которую он заставил бы собеседника плясать под свою дудку.

Репортер только что ужом не изворачивался, пытаясь выцарапать из собеседника информацию, но тот держался стойко, а на провокационные вопросы отвечал неопределенной улыбкой, которая выводила Беспалова из себя. К счастью, их беседу в какой-то момент прервал красноармеец средних лет,

который явился с растрепанной тетрадкой прескверных виршей и искал Должанского. Как и все, страдающие бешенством рифмы, гость оказался на редкость навязчив и с ходу принялся читать свои стихи, где «кровь» рифмовалось с «вновь», а размер сбегал, не оставив адреса.

– Я, товарищ, стихами не занимаюсь, я из угрозыска, – сказал жертве поэзии Опалин. – Вы попозже приходите.

– А правда, что поэтам по целковому за строчку платят? – спросил гость, глядя на него с надеждой.

– Платят, – отозвался Беспалов. – Пушкину платят. Ваша фамилия Пушкин?

– Нет, – вздохнул тот, – Карпов я. Так что ж мне теперь, фамилию менять?

Беспалов увидел в завязавшейся беседе неисчерпаемый запас для будущих редакционных анекдотов и с удовольствием принялся морочить голову простаку, явившемуся в коварный мир газетной прессы, но вскоре заметил, что единственный зритель, который мог оценить происходящее, не слушает его двусмысленных острот и вообще, кажется, тяготится его присутствием. Спас положение весьма кстати появившийся Стенич, которого Опалин собирался допросить по поводу слуха о Харькове. Красноармейца не без труда удалось выпроводить из кабинета, но Беспалову тоже пришлось уйти.

– Тупица какой-то, – сказал он заведующему редакцией об Опалине.

Но Поликарп Игнатьевич был не лыком шит и тотчас же догадался, что ушлый корреспондент из зала суда напоролся на крепкий орешек. Эта мысль отчасти развеселила заведующего.

– В конце концов, он только делает свою работу... Не будем ему мешать.

Опалин допросил Стенича, пообедал в столовой и вернулся в кабинет, где вновь приступил к работе. В другой части здания Басаргин и Должанский, хохоча, слушали рассказ Беспалова о сегодняшнем поэте, который собирался сменить фамилию. Неожиданно писатель перестал смеяться.

– Знаете, друзья, а ведь это трагедия... Когда человек любит стихи и пытается сочинять, но ни черта не выходит...

– Да при чем тут стихи, – проворчал Беспалов, – денег ему хочется, а рифмовать кажется проще простого. Кровь-морковь-любовь... тьфу!

Но тут явилась машинистка Леля и, хихикнув, объявила, что Опалин добрался-таки до источника слухов о бегстве зама – им оказался не кто иной, как кассир Измайлов.

Все почему-то обрадовались. Стали наперебой вспоминать случаи, когда кассир их каким-либо образом задел или унизил, выдал кому-то деньги мелочью вместо купюр или заболел именно в день зарплаты. И многое, многое еще припомнили отсутствующему, потому что люди злопамятны, а литераторы – в особенности.

Тем временем нервничающий кассир сидел на краешке стула напротив Опалина и бубнил:

– Жена моя вернулась из Ленинграда, у нее там родня... И говорит: видела, мол, человека, похожего на вашего зама.

– Так... а жена ваша кто?

– Домохозяйка она.

– И откуда она знает, как выглядит ваш зам?

– Да встретились однажды в «Мюре и Мерилизе»... ой, ну вы поняли. В магазине. Он с дочерью был, покупал ей что-то.

– И, значит, ваша жена видела его в Ленинграде?

– Да нет же! Вы меня не дослушали... Она сказала – похожий, но не такой! Алексей Константинович был... ну... плешивый немножко и с проседью, а этот с волосами... И брюнет. Шел со спутницей, мороженое они ели... Потом мы говорили с товарищем Черняком, он заметки пишет для второй полосы... о московских делах в основном, ну и рассказы сочиняет... И я просто так, к слову

пришлось, сказал, что вот, кого-то похожего на Алексея Константиновича видели, но не в Пятигорске, где он должен быть, а в другом городе... Похожего! Но я же не говорил, что это был он... А потом, когда пошли слухи, я... я уж и не знал, что мне делать...

Опалин, откинувшись на спинку стула, внимательно смотрел на кассира.

- Откуда взялось, что его видели в Харькове? В Ялте?

- Не знаю. Я даже город не упоминал...

- Где можно найти вашу жену?

- Дома. Ну это если она не в лавке какой-нибудь в очереди стоит... Сами знаете, что сейчас с продовольствием творится...

- Может быть, мне придется с ней побеседовать, - сказал Опалин.

Измайлов представил себе, какую сцену закатит ему жена, и так до предела взвинченная бытовыми проблемами, и похолодел.

- Послушайте, товарищ, она видела не его, а похожего человека... Можете кого угодно спросить - я не разношу сплетни, никогда этим не занимался! Я и подумать не мог, что мои слова так превратно истолкуют...

- Значит, сплетни не разносите, а мне пришлось опросить почти всех сотрудников, прежде чем я вышел на вас, - усмехнулся помощник агента и неприятно прищурился. - Нехорошо, товарищ, нехорошо. Ну что вам стоило прийти самому и обо всем рассказать? Думаете, я не вошел бы в ваше положение?

Кассир молчал, но в его взгляде читалось, что думал он именно так и не собирался ни в чем признаваться, пока его не приперли к стенке.

- И напоследок еще один вопрос, - добавил невыносимый Иван Григорьевич.

Мысленно Измайлов приготовился к худшему.

– У вас в редакции несколько художников. Лучший из них – кто?

– Окладский, я думаю, – неуверенно пробормотал кассир.

Он никогда не думал о художниках в плане таланта. Все окружающие для него были докучными единицами в ведомости, которые не приносили ничего, кроме неприятностей. Они неизменно являлись за деньгами именно тогда, когда их не было в кассе или ему срочно нужно было отлучиться в туалет. Они устраивали скандалы из-за грязных денег, из-за того, что купюры кончились и он мог выдавать гонорары только мелочью, из-за... Одним словом, кассир Измайлов считал себя мучеником – и сильно удивился бы, узнав, что сотрудники думают о нем совершенно иначе, если кого и считая мучениками, то исключительно себя самих.

Отпустив кассира, Опалин вызвал художника и объяснил, что от него нужно. Бородатый взъерошенный Окладский, обрадовавшись, что в кои-то веки от него не требуют рисовать карикатур на политические темы, развернулся во всю мощь своего таланта, который у него, надо сказать, присутствовал. Он нарисовал бесследно пропавшего Алексея Константиновича Колоскова в фас, профиль и три четверти, описал его костюм, толстовку, сапоги, часы и новый кожаный портфель, и не только их.

– Бородавка у него была, на руке, вот тут...

– Да, знаю, я читал приметы, – кивнул Опалин. – А еще чего-нибудь особенного не вспомните?

Пока в кабинете с надписью «завхоз» плелась сеть, в которую собирались ловить растворившегося в московском воздухе зама, в отделе машинисток Басаргин, морща лоб, диктовал Леле рассказ, который от него требовал Поликарп.

Максим Александрович начал с грозы (хотя сейчас на улице светило солнце), из которой явился человек. Он мечтал стать писателем, искал редакцию журнала, но в большом здании, в котором он оказался, все куда-то спешили, говорили о пустяках и не понимали его. Потом наступал вечер, и герой, понурившись, возвращался домой. Он не заметил, что единственную рукопись его рассказа украли в трамвае вместе с другими вещами.

В этой истории не было приключений и каких-то особенных событий, в пересказе она не поражала воображение, но Леля, печатая ее, становилась все серьезнее и каждую следующую фразу ожидала с нетерпением. Смутно она угадывала, что, хотя Басаргин наделил героя некоторыми чертами сегодняшнего гостя из угрозыска, говорил писатель о себе, о своей неустроенности, и говорил так, что читатель невольно начинал вспоминать себя, свои мечты и неудачи. Однако сам Максим Александрович, перечитав рассказ после машинки, ощутил острое недовольство.

«Черт знает что такое... Зарежет Поликарп, как пить дать зарежет... Ведь никакого оптимизма, взвейтесь-развейтесь, барабанной дробью, которая у всех этих нынешних... Пишущие дрессированные зайцы, которые ну никак не могут без барабана...»

Но грозный Поликарп прочитал рассказ, буркнул «Хорошо», вычеркнул для порядка два эпитета и велел Эрмансу поставить материал на третью полосу.

– У нас еще «Мир домашней хозяйки», – деликатно кашлянув, напомнил секретарь.

– Снимите. Все равно от Тепляковой никакого проку, на ее рубрику одни жалобы. Ладно бы рецепты какие-нибудь давала полезные, но пишет откровенную чушь о сознательных домохозяйках... И какого черта вы пропустили ее заметку «В плену примуса»? Как, объясните, можно быть в плену примуса? Не понимаю, простите, не понимаю!

Эрманс работал в прессе с самой революции, то есть уже одиннадцатый год, и потому не стал напоминать коллеге, что злосчастный примус пролез в печать с благословения самого Поликарпа, который не удосужился вычитать текст.

– Агента видели? – неожиданно спросил заведующий, круто меняя тему.

– Из угрозыска? Видел.

– И как он вам?

– Кажется, исполнительный.

– А. Ну-ну, – как-то неопределенно протянул заведующий и, встряхнувшись, завел речь о текущих делах.

Меж тем исполнительный агент – точнее, помощник агента – отпустил художника, сложил бумаги, тщательно спрятал их во внутренний карман пиджака и, ни с кем не прощаясь, покинул трудовой дворец. Опалин привык доверять своему инстинкту, и тот подсказал ему, что для одного дня он получил более чем достаточно впечатлений и теперь необходимо как следует все осмыслить в тишине. Однако далеко от бывшего воспитательного дома он не ушел.

Едва он прошел пару десятков шагов по Солянке, рядом с ним взвизгнули шины. Распахнулась дверца затормозившего автомобиля.

– Садись, – командным тоном бросил сидевший внутри человек. – Есть разговор.

Опалин поглядел на лицо говорившего, тронул в кармане рукоять «браунинга», который всегда носил с собой, и забрался в машину. Ему и самому было интересно, о чем пойдет речь.

Глава 4

Контурсы жертвы

– Ты, Жора, не гони, незачем, – сказал человек шоферу, который вел машину. – Покатай нас... по Садовому, что ли. А потом я тебя в Большой Гнездниковский отвезу, – добавил он, обращаясь к Опалину.

– Я не знал, что у вас машина есть, – заметил Иван, чтобы сказать хоть что-то.

– Не моя она. Казенная. На ней друг ездит, он в Реввоенсовете сейчас. Иногда посылает за мной – по делам, ну и так. – Говоря, заведующий рубрикой «За оборону СССР» Лапин буравил взглядом лицо собеседника. Опалин не любил, когда его изучали таким образом, и постарался принять максимально нейтральный вид. – А ты меня обидел.

- Я? - удивился Иван.

- Угу. Пять вопросов задал и - гуляйте, товарищ. Кто так делает? Допросы с умом вести надо. Незаметно к главному подводить, а ты все напрямки ломишься. Когда видели, да как выглядел, да были ли у него враги, - в сердцах передразнил бывший военный. - Конечно, были. Вот хотя бы Басаргин.

- Да? - как-то неопределенно молвил Опалин. Он уже знал, что писатель не ладил с Колосковым, но ему было интересно узнать версию Лапина.

- Ты в курсе, что Алексей Константинович его выгнать хотел?

- А Басаргин что, не член профсоюза?

- Член, конечно.

- Тогда его просто так уволить нельзя.

- Наивный ты, Ваня, - сказал Лапин не то с сожалением, не то с подобием зависти к молодости собеседника, которая позволяла тому высказываться столь категорично. - Захотели бы - уволили.

- А Колосков всерьез захотел?

- Так я о чем? Насилу его Поликарп переубедил - мол, сейчас не стоит этим заниматься, давайте вы сходите в отпуск, и потом мы вернемся к этому вопросу. Только Колосков после отпуска не передумал бы. Он злопамятный был.

- А чего он на Басаргина взъелся?

- Насмешник он. Никого не уважает. И белый.

- В каком смысле? - осторожно спросил Опалин.

- В прямом. Враг он нам, понимаешь? Его от действительности нашей корежит, а вот повспоминать, что было перед войной... Присяжные поверенные всякие,

протоиереи... Вспоминают старое да глаза закатывают, как, мол, хорошо тогда было. Но Басаргин хотя бы не скрывается, – прибавил Лапин другим тоном. – Честный враг. Это я уважаю. Куда хуже – приспособленцы всякие, сволочь, которая в редакции толчется. Насмотрелся я, Ваня, на них, и иногда, знаешь, в голову мыслишка скверная лезет – для чего я кровь проливал? Чтобы эти фрукты пиво пили и анекдоты травили?

Вместо «фруктов» он употребил куда более емкое и выразительное слово, но Опалин был не из тех, кого можно пронять ругательствами.

– Послушайте... – начал он.

– Слышь, давай на «ты», без церемоний, – перебил его Лапин. – Меня от всех этих цирлихов-манирлихов тошнит.

– Слушай, – сказал Опалин, пересилив себя, – ты мне что хочешь сказать, командир? Басаргин ухлопал Колоскова, чтобы тот его не выгонял?

– Чудак ты, Ваня, – сказал Лапин, коротко хохотнув. – Я ж при этом не присутствовал, но сам посуди: раз Колоскова нет, Басаргина оставят в покое. Мотив? Как по мне, вполне. У Басаргина жена иждивенка, и живут они только на то, что он получает. Выгонят его, и куда он пойдет? На биржу труда? Кому он нужен...

– А что, кроме Басаргина, с Колосковым никто не ссорился?

– Конечно, ссорился.

– Кто?

– Ну, Эрманс, например. Колосков протацил вне очереди рекламу какого-то треста, а реклама здоровенная. Там же гадюшник, Ваня. В номере четыре полосы, редко шесть. Выкинули твой материал – и все, привет, завтра он уже может не пригодиться. Рубрик много, все толкаются локтями. Новости, фельетоны, мое про оборону, карикатуры, хроника, из зала суда, отдел домашних хозяек, книги, театр и кино, спорт, бега, уголок юмора, рассказы и стихи, шарады, шахматы, изо, наука и жизнь... и это я еще не все перечислил. А

объявления? Я бы на месте Эрманса давно свихнулся, как все это примирить и впихнуть в четыре полосы. И так – каждый день, за вычетом праздников, когда мы не выходим.

Опалин вздохнул:

– Хочешь сказать, Эрманс мог что-то сделать с Колосковым из-за какой-то дурацкой рекламы?

– Не-не-не. Я, Ваня, вообще не о том. Терпеть не могу повторять сплетни, но Колосков протаскивал некоторые рекламы вне очереди и за полцены. Ну, не за полцены, но дешевле, чем обычно. А теперь попробуй доказать мне, что он это делал просто так.

Опалин нахмурился:

– Значит, Колосков отвечал за рекламу?

– Угу. Хотя вообще-то это не входило в его обязанности. Так-то он должен был заниматься второй полосой. Но на самом деле Колосков протаскивал рекламу, причем не только на четвертую полосу, но и на третью.

– А кто тогда занимается второй полосой?

– Поликарп. На нем вообще все, кроме объявлений.

– Постой, а как же главный редактор?

– Оксюкович-то? А он тоже нужен. По собраниям всяким ездит, к наркомому, выбивает, чтобы бумаги нам давали побольше. Он болеет, чахотка у него, но он это скрывает, – прибавил Лапин другим тоном. – В ссылке заболел. Ему врачи велели бросить курить, а он ни в какую. Хороший он мужик, но в людях совсем не разбирается.

– Почему? – не удержался Опалин.

– Потому, – с сожалением отозвался бывший военный. – Он прямой, честный и всех судит по себе. А они-то не прямые и не честные. Все разговоры только о том, как бы вырвать себе кусок побольше и пожирнее. Гнилые людишки.

– А что у Колоскова по личной линии было? – рискнул задать вопрос Опалин.

– Ты его рожу видел?

– Э... ну... в общем...

– Ну, за деньги он точно мог себе купить какую-нибудь бабу, – снисходительно пояснил Лапин. – А без денег – кому он нужен?

– А по твоему ощущению, он ходил на сторону?

– Ходил. Но скрывал. Вообще он с Ксенией своей жил хорошо, но – привычка, такое дело. Старая жена – как старый сапог: удобно, но нет-нет да тянет на новый поменять. Так что баба у него была, точно.

– Его любовница из редакции?

Лапин усмехнулся:

– Была бы из редакции – я бы узнал. И не только я. Все бы знали и судачили.

У Опалина уже голова шла кругом. Реклама. Басаргин. Любовница. А что, если она была замужем? Что, если муж узнал? Колосков 15 августа послал жене телеграмму с сообщением, что завтра выезжает – и исчез. Не отправился ли он перед отъездом проведать свою пассию?

Позвольте, а как же Ленинград? Допустим, жене Измайлова показалось, что она узнала Колоскова... а что, если не показалось и это все-таки был он?

Если верить Лапину, Алексей Константинович устроил так, что часть денег за рекламу вместо бюджета газеты поступала в его собственный карман. А если он складывал эти деньги в кубышку и просто ждал удобного случая? Что ему мешало тогда сбежать вместе с любовницей?

- Никуда он не сбежал, - донесся до него скрипучий голос бывшего военного.

Вздвигнув, Опалин поднял глаза. Нехорошо, Иван Григорьевич, когда ваши мысли могут прочитать по лицу. Совсем плохо.

- Знаю я эти дурацкие слухи, - продолжал Лапин, дернув щекой. - Не, не побежал бы он ни за какой бабой. У Оксюковича несколько лет в запасе, но ведь место-то освободится, и Колосков вполне мог на него сесть. Я уж не говорю о его фокусах с рекламой. Поверь мне, он не из тех людей, которые станут бросать золотую жилу. Кто угодно, только не он.

- А что, если кто-то решил за него взяться? - неожиданно спросил Иван.

- За Колоскова? - удивленно спросил Лапин.

- Да. Это ведь мошенничество. Может быть, кто-то решил его прищучить и он испугался?

- И потому исчез?

- Да, а что? Может такое быть в принципе?

Лапин задумался.

- Если бы ему что-то угрожало, он бы пошел к друзьям, - заговорил он, тщательнее, чем обычно, подбирая слова. - Ваня, он скользкий, как угорь. Я тут тебе рассказал о его делишках, но сам понимаешь: там наверняка все шито-крыто, и в суде ты ничего не докажешь. Если он исчез сам, по своей воле... - Лапин нахмурился, - значит, его что-то до смерти напугало.

- Ясно, - кивнул Опалин. - Слушай, а как у него с происхождением?

- Из крестьян он. Отец в город на заработки подался, потом сына определил в трактир. Не, с происхождением там все чисто, можешь даже не думать.

Но Опалин привык всякую мысль доводить до логического конца и потому спросил:

- Колоскову сейчас 42 года, а в революцию он где был?

- Заведовал чем-то – столовой, кажется. К службе его признали непригодным – падучая и ребра поломаны. Его в детстве били, когда он в трактире служил.

Вот те на. Получается, Колосков еще и эпилептик. А ведь никто, ни один человек об этом не упомянул.

- Часто у него бывали припадки?

- Никогда, – твердо ответил Лапин.

- В смысле?

- В смысле, не было их. Ты совсем младенец, что ли? Заплатил он кому-то за бумажку, чтобы его в армию не призвали, а то вдруг ломаных ребер окажется недостаточно.

- Может, и про ребра тоже выдумка? – рискнул предположить Опалин.

- Э нет. Это как раз правда. И руку ему там же сломали, он все время жаловался, что болит, когда погода меняется.

- Какую именно руку?

- Левую.

Опалин почесал голову. Любовница. Пятигорск. Прежде всего, конечно, стоило бы проверить, точно ли Ксения Колоскова находилась в Пятигорске, когда ее муж исчез в Москве. А то, может, она его ухлопала и теперь бегает по инстанциям, отводит от себя подозрения.

А деньги? А любовница, которую Колосков тщательно скрывал? Боже, каким запутанным все кажется, и за все эти ниточки так или иначе придется дергать, проверять... А ведь разгадка наверняка будет банальнее некуда. Либо все-таки совершил растрату и сбежал, либо убили его из-за личного.

– Слушай, а что у него за друзья были? – спросил Опалин. – Ты говорил, что в случае проблем он бы к ним обратился.

– Ты про Склянского слышал?

– Так, кое-что, – буркнул Иван.

– Точно сказать не могу, но, по-моему, Склянский его и пристроил в редакцию. Хотя Колосков никогда раньше газетами не занимался.

– Склянский в Наркомпросе сейчас?

Наркомпросом назывался Народный комиссариат по просвещению, аналог министерства, потому что министерство – слово буржуйское и вообще подозрительное, а спотыкающееся Нар-ком-прос – самое оно. Впрочем, в то время в недрах языка зарождались и не такие слова-паразиты. Все, все растворились, стали достоянием истории, ни одно не задержалось, потому что великий и могучий может позволить себе и не такие эксперименты. Язык как народ: все выдержит, все перемелет и в конечном итоге обратит себе на пользу...

– Да, в Наркомпросе, – кивнул Лапин в ответ на слова Опалина, – но я слышал, что метит еще выше... Так что у Колоскова хорошие перспективы, если, конечно, не поссорится со своим дружкой.

«Ну, это только если Колосков жив, – мелькнуло в голове у Опалина. – А у трупа – какие перспективы?»

Он почему-то не мог избавиться от ощущения, что человек, о существовании которого вчера Иван даже не подозревал, мертв и речь идет именно об убийстве. «Все дело в чемоданах... Домработница утром пришла, а собранные чемоданы в квартире стоят. Колосков не сел на поезд. И он не бежал, потому что

дома остались все его вещи... Люди привязываются к вещам, не станут они свое бросать...»

- Вы что, уже труп нашли? - донесся до него голос Лапина.

Опалин разозлился так, что загорелись щеки. Вот, опять прочел его, как открытую книгу. Да что ж такое...

- Да не нашли мы никого, - выпалил он с досадой. - Ты что, мысли читать умеешь, что ли?

Лапин засмеялся:

- Ты не обижайся, Ваня, но ты молодой еще, у тебя на лице все отражается... А я тертый калач, все примечаю. У меня, знаешь, жизнь такая - давно бы сдох, если бы людей насквозь не видел...

- Ну, раз ты такой пронизательный, - сердито сказал Опалин, - давай начистоту. Колосков исчез, когда ушел в отпуск. В редакции о его планах знали? Конечно. Адрес его знали? Да и при желании могли выследить, когда он из дома вышел, например. Если бы его захотел убить кто-то из редакции - кто именно? Басаргин?

- М-м... Нет.

- Тогда какого черта ты мне голову морочил и его первым подозреваемым назвал?

- Ты, Ваня, не сердись, - очень спокойно попросил Лапин, - ты со стороны очень смешно выглядишь тогда. Понимаешь, в чем дело: был у Басаргина мотив, конечно, и сам он...

- Белый, - нетерпеливо напомнил Опалин.

- Угу. Только вот человек такая штука... сложная, в общем. Короче, пораскинул я мозгами - и что-то сомнение меня берет. На поверхности-то все ясно, ну а как копнешь, - характер у Басаргина не таковский, чтоб человека убивать. Он

бывший врач, ты знаешь? И гуманист. Не чистюлька, а именно гуманист. У него, понимаешь, убеждения. Ну, что человеческая жизнь – великая ценность и... ну, всякое такое.

– Нет такого человека, который в определенных обстоятельствах не мог бы убить, – сипло сказал Опалин. Лапин поднял брови.

– Это тебе кто-то из товарищей внушил? Ну, не буду спорить. Но вот думаю я, как Басаргин мог прикончить Константиныча – и не срастается ни черта. Пощечину он Колоскову мог бы дать, на дуэль его вызвать. Но убивать исподтишка – нет.

– Хорошо, допустим, Басаргин ни при чем. Кто тогда?

– Тогда? Давай прикинем. М-м... Оксюкович – никогда. Поликарп – нет. Эрманс – тоже нет, хоть они и повздорили. Матюшин – он ведет хронику, но терпеть ее не может. Он бы от одного вида крови в обморок упал. Беспалов вечно в суде, в редакцию прибегает, только чтобы очередную заметку продиктовать. У него времени не хватит кого-то прикончить... Глебов? Ну, этот на все готов, чтобы себе местечко расчистить. Сам убивать не станет, но если получится чужими руками, так, чтобы в сторонке постоять, – почему бы и нет? Только вот место Колоскова ему ни при каких раскладах не светило, значит, он ни при чем. Стенич по уши в спорте, Окладский рисует карикатуры, Фарбман ведет уголок юмора. У них всегда есть работа, и на Колоскова им наплевать. Черняк пишет новости, заметки, вообще все, что потребуют, и заботится только о том, чтобы дать побольше строчек. Ему двум бывшим женам приходится алименты платить, тут не развернешься. Ракицкий... ну, с этим все ясно: лошади! Люди его вообще не интересуют, так что о нем можешь забыть. Гомберг у нас театрал, как начнет хвалить какую-нибудь пьесу, так заслушаешься, а потом считаешь, что о ней пишет, – все не так, и классовая линия не выдержана, и несерьезно, и вообще...

– Короче, Колоскова он убить не мог, – прервал собеседника Опалин.

– Мог, – хмыкнул Лапин, блестя глазами, – если бы, к примеру, Константиныч жену у него увел. Но гражданка Гомберг здоровая, как лошадь, и ножища у нее, как у мужика. Что-то сомневаюсь я, что она во вкусе Колоскова.

– А что насчет Должанского?

– Петра Яковлевича? Он неплохой человек, но никакой. Его на стихи поставили, потому что никто ими заниматься не хотел. Он, знаешь, из тех, кто со всеми умеет ладить. Мягкий, уступчивый – но не от слабости, а от равнодушия. Не, он никого убить не мог. Да он почти не пересекался с Колосковым... Баб в расчет берем?

– А что их не брать?

– Ну, машинистки... – Лапин почесал шею. – Болтают о кино, о чулках, о чепухе. Нет. Кострицына рисует выкройки, еще делает модели для «Женского журнала»... нет, чепуха. Теплякова... э... Не нравится мне она, честно скажу. Глазки-буравчики, не говорит, а вечно визжит – мерзкая баба. Два мужа было, оба сбежали, второй запил. Черт ее знает, я бы не стал сбрасывать со счетов, но зачем ей Колоскова убивать, ума не приложу...

– Короче, его вообще никто из редакции не мог убить, – подытожил Опалин.

– Слушай, для газеты пишут не только постоянные сотрудники, но и куча стороннего народу... Изо, шарады, наука и жизнь, шахматы – да масса рубрик, для которых другие сочиняют. Я еще обработчиков рабкоровского материала не назвал, эти отдельно сидят... Ваня, а может, его просто ограбить хотели? Не рассчитали сил – ну и... убили, короче.

– Может быть, – отозвался Опалин. – При нем часы были золотые, два кольца, деньги. Часы и кольца будем искать, может, что всплывет.

Автомобиль подъехал к облупившемуся особняку в Большом Гнездниковском переулке и остановился.

– Ну, я пошел, – сказал Иван. Пожал руку собеседнику и добавил: – Спасибо за помощь.

– Я же тебе ничем не помог, – усмехнулся бывший военный. – Запутал только.

– Ничего, распутаем.

Опалин вылез из машины. «Почему-то мне кажется, что ты действительно распутаешь, – мелькнуло в голове у Лапина. – Славный парень, но опыта бы побольше. А впрочем, это придет...»

Он поднял руку в полувоенном жесте, прощаясь с Опалиным, и шофер, развернув машину, покотил на улицу Фрунзе, где располагался Реввоенсовет. А Иван вошел в особняк, по пути здороваясь с товарищами, и отправился искать начальство, чтобы отчитаться о том, что ему удалось узнать.

Глава 5

Предложение, от которого нельзя отказаться

На следующее утро Максим Александрович Басаргин шел по коридору трудового дворца и думал о том, что когда-то в этом здании помещался Опекунский совет, в котором Чичиков собирался заложить мертвые души. Это обстоятельство, к которому писатель то и дело мысленно возвращался, наполняло его сложной смесью ощущений, в которые ему нравилось погружаться и вдохновенно развивать. Сейчас, например, он представил, что все нынешние обитатели дворца – те самые мертвые души, которые только притворяются живыми и обсуждают починку примусов, адреса модисток и хвосты возле продовольственных лавок. Вот мимо прошла мертвая душа какого-то профсоюзного деятеля, сидящего в том же крыле, что и сотрудники «Красного рабочего», а вот – не угодно ли – весельчак Фарбман из отдела юмора: тощий как спичка, губы всегда изогнуты в улыбке и, конечно, очередная шутка уже готова с них сорваться.

– Максим, зацени! – кинулся к писателю Фарбман и продекламировал: – Даже безбожнику можно вышивать крестиком. Ну, как? – спросил он обычным голосом.

– Где-то я уже слышал что-то подобное, – сказал писатель довольно сухо.

– Ладно, – не стал спорить собеседник. – А вот еще. «Подвели итоги?» «Нет, итоги меня подвели». Звучит?

– Это лучше, – согласился Басаргин.

Он незаметно ускорил шаг, чтобы отвязаться от собеседника, но у Фарбмана оказался припасен еще один, последний козырь.

– Заведующий тебя искал, – сказал юморист. – Зайди к нему. Дело, кажется, срочное...

«Значит, все-таки пошлют меня брать интервью у Горького, – мелькнуло в голове у Басаргина. – Боже, как это все ужасно. Он ведь был живым писателем когда-то, с Чеховым общался, с Куприным. Как же он позволяет делать из себя чугунный монумент? Не постигаю...»

Он подошел к двери кабинета заведующего и, узнав доносящийся изнутри визгливый женский голос, поморщился и даже убрал руку от ручки. В следующее мгновение дверь распахнулась.

– Я этого так не оставлю! – проверещала на прощание Теплякова. Ее тонкие губы недобро кривились, мышцы на шее напряглись, и стала она казаться не самой обыкновенной женщиной чуть за сорок, а чуть ли не древней старухой. – Я буду жаловаться! Вы не смеете сокращать мою рубрику!

– Это решение редколлегии, а не мое! – Поликарп Игнатьевич возвысил голос. – И читателям ваша рубрика не нравится...

– Ну, конечно же! Как же я не догадалась...

Она метнула злобный взгляд на Басаргина и прошла мимо него, каждой клеточкой своего организма источая ненависть. Писатель вошел в кабинет и тщательно притворил за собой дверь.

– Я не вовремя? – спросил он.

– Напротив, Максим Александрович. Садитесь...

Обычно Поликарп Игнатьевич не тратил слов попусту, и сотрудники выслушивали его стоя. Когда он предлагал садиться, это означало, что разговор

предстоит длинный и трудный. Писатель напрягся.

– Садитесь, садитесь, – поторопил его заведующий. Он прошелся по кабинету, большому, но захламленному, и у Басаргина впервые мелькнула мысль, что крупному, могучему человеку должно быть тут тесно и неудобно, как в клетке. «Все вздор, – тотчас поправил себя писатель, пытаюсь устроиться поудобнее на жестком казенном стуле, – это я чувствую себя в редакции как в клетке, а для него это смысл жизни, отними его – и он умрет».

– Мы вчера с вами говорили насчет интервью, – начал Поликарп Игнатьевич, проводя широкой ладонью по затылку. – Так вот...

«Черт бы его побрал, вашего Горького».

– Интервью с Горьким, – продолжал заведующий, – если помните. Словом, можете о нем больше не беспокоиться – я пошлю Черняка. А для вас есть другое задание.

– Я слушаю, – пробормотал Басаргин.

– На вторую полосу, для рубрики «Жизнь столицы», нужны очерки о работе уголовного розыска. Чтобы, так сказать, не только в хронике, а вообще... Важное и нужное учреждение. Что мы о нем знаем? Да ничего. Тут как раз подвернулся этот... вчерашний...

Обычно заведующий изъяснялся куда более гладко, а тут он путался, без нужды комкал фразы и, видно, не знал, как приступить к главному. Он произнес еще несколько бессвязных выражений и, наконец, подошел к сути:

– Мы договорились с начальством в Большом Гнездиновском, что один из наших сотрудников какое-то время побудет со вчерашним агентом и понаблюдает за его работой. И этим сотрудником будете вы.

Тут Максим Александрович понял, что зря он отказался брать интервью у Горького. Прямо скажем, писателя этого Басаргин презирал, но мысль о том, что теперь ему придется сопровождать Опалина во время его расследований, видеть неприглядную изнанку жизни общества и после выдать по заказу

бодролживый очерк, была еще тягостнее.

- Поликарп Игнатьевич...

- Вы что-то имеете против?

Действительно, почему хрустальная ваза должна быть против, если ей оказывают честь и используют как ночной горшок? Прямо удивительно, какие у вазы могут быть претензии.

- Я не умею писать об угрозыске, - попытался воззвать к здравому смыслу Басаргин. - Послушайте, почему бы не поручить это Матюшину...

- Чтобы он выдал очередной перл вроде «убитого насмерть»? Давайте так, Максим Александрович. С вас статья в сто строк...

Сто строк означали приличный гонорар. Писатель притих.

- Нет, - поправил сам себя заведующий, - сто строк, конечно, мало. Давайте так: три очерка по сотне строк каждый. В течение... ну, допустим, пяти-шести дней. Тема - откуда берутся агенты угрозыска, как они работают, какие сложности бывают в этой профессии...

- Сложности известные - убить могут в любой момент, - не удержался Басаргин.

- У нас рабочая газета, Максим Александрович, - напомнил собеседник, нахмурившись. - Рабочие, знаете ли, тоже гибнут на производстве... Да и вообще, никто, простите, ни от чего в этой жизни не застрахован...

Три очерка. Сопровождать Опалина, который только вчера... И какая сверхъестественная скорость: уже сговорились с начальством МУУРа, все решили. Поразительно, просто поразительно!

- Опишите пару случаев, с которыми вы столкнетесь... то есть он столкнется, - продолжал развивать свою мысль гигант. - Хорошо бы, чтобы это были законченные расследования. Как находят преступника, какие методы используют...

– Беспалов скажет, что я отнимаю его хлеб, – буркнул писатель.

– Беспалов пишет совсем о другом. У него суд, обстоятельства дела уже выяснены, вопрос только в том, какое наказание понесет преступник. У вас – как, собственно, этого преступника ищут. Ну, там, отпечатки пальцев, улики разные, или с собакой идут по следу...

Тут Басаргин весьма юмористически представил себе, как Опалин мчится по следу злодея, сидя верхом на огромной собаке, в то время как сам Максим Александрович летит по воздуху, уцепившись за ее хвост. «Одной рукой держусь за хвост, другой записываю в блокнот... а в чем держу блокнот? В зубах, очевидно... Или нет: зубами держусь за хвост, а сам пишу на лету...»

– Я сказал что-то смешное? – внезапно спросил гигант, круто поворачиваясь к собеседнику.

Максим Александрович понял, что улыбка его неуместна, и постарался принять серьезный вид.

– Может быть, вы мне все-таки объясните, в чем дело, Поликарп Игнатьевич? – тихо, но весьма выразительно отчеканил он.

Где-то слишком громко включили радио, и приятный голос пропел: «Теперь сходитесь»[4 - Из оперы Чайковского «Евгений Онегин»]. За окнами загрохотал трамвай, в дверь сунулся взъерошенный Черняк с гранками в руках, но заведующий махнул на него рукой, и тот провалился сквозь землю. Черняк всегда выглядел так, словно за ним кто-то гнался. Имея самую обыкновенную внешность, он ухитрялся влипнуть в многочисленные романы, любовницы рожали ему детей, а так как тогдашнее законодательство в части выплаты алиментов было крайне жестким, вся его жизнь сводилась к тому, где бы найти еще денег. Он хватался за любую работу и никогда ни от чего не отказывался. Но, впрочем, вовсе не дела коллеги интересовали Басаргина в эту минуту. Он чувствовал, что заведующий чего-то недоговаривает, и предпочитал, чтобы тот объяснился откровенно.

– Я же вам сказал, Максим Александрович, – промолвил Поликарп Игнатьевич с неудовольствием.

- Нет.

Промолчали. Трамвай прошел, радио заскрежетало, мелодия рассыпалась, и голос умолк. Тишина воцарилась в кабинете, и было лишь слышно, как вялая осенняя муха жужжит и бьется о запыленное стекло.

- Вы хотите, чтобы я проследил, как продвигается следствие по делу Колоскова? - Писатель пошел ва-банк.

Поликарп Игнатьевич метнул на него быстрый взгляд, потер лицо и рухнул в кресло.

- И если я подружусь с этим Опалиным, мне будет легче все узнать? - гнул свою линию Басаргин.

- Ничего не имею против, - ответил Поликарп Игнатьевич, глядя ему в глаза. - Исчезновение Алексея Константиновича... оно серьезно спутало карты... И последствия могут быть... могут быть...

Он колебался, ища обтекаемое продолжение фразы, но оно никак не приходило на ум.

- А, черт бы его побрал! - сиплым шепотом бешено выпалил заведующий.

Басаргин отвел глаза. Ему стало неловко. Ясно, что произошло нечто скверное - настолько, что может рикошетом ударить по всей редакции, иначе Поликарп бы так не нервничал и не изобретал никому не нужных очерков о жизни рядовых агентов угрозыска.

- Значит, мы с вами договорились? - спросил гигант более спокойным тоном, хотя его лицо до сих пор ходило ходуном.

- Вы можете на меня рассчитывать, - пообещал Басаргин, вставая с места. По правде говоря, ему хотелось поскорее уйти.

Глава 6

Один за всех

Вернувшись в свой кабинет (впрочем, кабинетом это можно было назвать с большой натяжкой – бывшая классная комната, в которую затолкали дюжину разнокалиберных столов), Басаргин подошел к стене, на которой висел старого образца аппарат, и сделал несколько звонков. Очевидно, они ни к чему не привели, потому что писатель повесил трубку, прошел за свой стол и сел, рассеянно ероша светлые волосы и глядя в окно.

За соседними столами сотрудники толковали о сахаре, о шестипроцентном займе, о свежем фильме «Дом на Трубной».

– Вздор какой-то, жильцы мусорят, весь дом – большая коммуналка, ну, зачем мне это? Я и в жизни все это вижу каждый день...

– А мне показалось, что это сатира, причем очень едкая...

– Ну, сатира – от того, что они будут ругать коммуналки, меньше их не станет...

«И ведь это изо дня в день, – подумал Максим Александрович, чувствуя, как начинает колоть в виске, – разговоры об очередях, о кино, о получке, почти никогда – о книгах, о хоть каких-то духовных интересах... как они живут, боже мой? Зачем? Для чего? Мне, когда я их слышу, и то хочется повеситься...»

Но пока ему захотелось выйти покурить, и он двинулся к выходу, нащупывая в кармане пачку папирос.

Однако, едва невыносимые коллеги исчезли из виду, курить Басаргину расхотелось. Вспомнив кое-что, он зашагал к кабинету с надписью «завхоз» и обнаружил там Должанского, который с обычным вежливым вниманием слушал очередного начинающего поэта. До слуха Максима Александровича долетели только две строки, но уже по ним все было ясно:

Дымит фабричная труба,

Идет борьба!

- Очень, очень интересно, - сказал Должанский кротко. - А главное, свежо. И оригинально!

- Петр Яковлевич, - вклинился Басаргин, - заведующий срочно требует от вас обзор. Он готов?

- А, ну да, обзор современной поэзии, - тотчас нашелся собеседник. - Простите, я еще за него не принимался...

- Петр Яковлевич, ну как же так? Он ждет! - продолжал куражиться писатель. - Между прочим, в прошлый раз вы уделили ЛЕФу слишком много внимания...

- Только Маяковскому, он у нас печатается, - хмыкнул Должанский.

- Маяковский - вчерашний день! - презрительно фыркнул поэт, сверкая маленькими глазками из-под сросшихся бровей.

На вид гостю было немногим больше двадцати, и макушкой он едва доставал писателю до плеча. Грязноватая толстовка и непонятного цвета штаны удачно дополняли облик питомца муз, впрочем, сапоги, которые, очевидно, перед визитом в редакцию поэт озаботился как следует начистить, говорили в его пользу. Темно-синий картуз подозрительного вида он положил на стол Должанского.

- Извините, товарищ, мне надо писать обзор, а время поджимает, - сказал Петр Яковлевич.

- Понимаю, понимаю. - Поэт вздохнул. - Так вы покажете мои стихи кому следует? Вы говорили, у вас главный редактор все решает.

- Непременно, товарищ, непременно, - заверил его Петр Яковлевич. - Стихи о трубе. Как я могу забыть?

Поэт с подозрением покосился на него, но собеседник, казалось, говорил совершенно серьезно.

- У меня еще поэма есть, - решил гость.

- Поэм не печатаем, - сказал Басаргин и пустился в объяснение того, сколько строк может вместить вся газета и сколько из них уделяют поэзии. Поэт смотрел сквозь него и недоверчиво хмурился.

Наконец объединенными усилиями гостя удалось выставить, и он ушел, оставив после себя сильный запах несвежего белья и вонючей махорки, но через несколько мгновений вернулся, потому что забыл картуз. Писатель подал ему требуемое и захлопнул дверь. Должанский распахнул окно, чтобы проветрить помещение.

- Петр Яковлевич, - объявил Басаргин, - должен признаться, я вам завидую.

Должанский резко повернулся:

- Чему?

- Тому, как вы с ними разговариваете. Клянусь - я бы давно уже кого-нибудь из них убил.

- Это не поможет, - ответил Должанский, страдальчески морщась. - Их много.

Оба рассмеялись.

- Вот что, Петр Яковлевич, - продолжал Басаргин, - я не знаю, удастся ли мне зайти к вам сегодня за книгой Бунина, потому что меня некоторым образом огорошили...

- Очерк об угрозыске, - кивнул Должанский. - Я в курсе.

Басаргин подумал: его собеседник и впрямь всегда в курсе всего, что происходит в редакции, хотя сам, казалось бы, редко покидает свой кабинет.

- Петр Яковлевич, - спросил он вслух, - что происходит?

– А с чего вы взяли, будто что-то происходит? – поинтересовался Должанский невозмутимо, возвращаясь на свое место.

– А разве нет? Одно то, что с меня требуют эти очерки...

– Уже очерки? – вздохнул Должанский. – Нет, очерки им не помогут.

– Кому им? – заинтересовался писатель, но собеседник не торопился с ответом. Телефон на его столе начал трещать. Должанский смотрел на него, как на инопланетное тело.

– За Склянского наверху взяли всерьез, – сообщил он ровным голосом, пока аппарат разрывался от звона. – А именно Склянский протолкнул в редколлегию бесследно пропавшего Колоскова. Тот ведь никогда раньше с газетами дела не имел – так, заведовал чем-то, учреждениями какими-то.

– Так. – Писатель потер висок. – Колосков исчез, когда почувствовал, что Склянского съедят?

– Его еще не съели, – усмехнулся Должанский. – Но вилки уже взяли и ножи наточили. Может, Колосков слишком много знал? Одно то, что исчезновение такой фигуры расследует какой-то мальчишка...

Он не стал договаривать, но Басаргин понял его с полуслова. Может быть, кто-то наверху вовсе не жаждет, чтобы Колоскова нашли? Потому и поручили его поиски этому... как его... Опалину.

– Как это отразится на нас, Петр Яковлевич? Я не могу терять работу...

Должанский поднял голову, и на мгновение в его взгляде полыхнуло что-то, словно другой человек выглянул из-под маски и тотчас же спрятался. «Кто же ты на самом деле такой?» – в который раз подумал писатель с беспокойством. Он уже давно ловил себя на смутном ощущении, будто с его знакомым что-то не так, хотя тот выглядел совершенно по-пролетарски, носил толстовку, неопределенного цвета штаны, дрянную кепку, казался своим в доску и при случае мог загнуть вполне пролетарский оборот.

«Кто же ты такой?»

Но Басаргин никогда не задавал этот вопрос вслух – и не только потому, что понимал: правды ему не скажут. Его не покидало ощущение, что и он сам, и Должанский на одной стороне – осажденных, а извне их штурмуют волны распоясавшихся хамов, которых революция вознесла и дала власть. Идея всеобщего равенства никогда не соблазняла Басаргина, потому что он признавал только равенство по духу, уровню образованности и культуре. В редакции Должанский был единственным, с кем писатель общался, не делая над собой усилия, и потому Басаргин старался не задавать лишних вопросов, которые могли оттолкнуть его знакомого.

– Нет, газета, конечно, останется, – сказал Должанский рассудительно. – Понимаете, Максим Александрович, там, на самом верху, идет главная интрига. Передел власти, – подавшись вперед, сообщил он под яростный треск телефона. – Давно, конечно, надо было решить этот вопрос, после смерти Ленина сколько уж прошло, но затянулось, как видите, потому что все хотели занять его место. Не в мавзолее, конечно, – добавил Петр Яковлевич со смешком. – Склянский тоже чего-то мутит, держал нос по ветру, суетился, проталкивал своих ставленников, словом, интриговал на своем уровне. Уровень, конечно, мелкий, но относительно нас, например – вполне. Где-то он допустил просчет, поставил не на ту лошадь, как сказал бы Ракицкий... И вот Склянский отставлен, а Колосков скрылся. А вы будете писать очерки.

– Чем все это кончится, Петр Яковлевич? – не удержался писатель.

Он спрашивал вовсе не об очерках и даже не о Колоскове, но заведующему отделом поэзии ничего не надо было объяснять.

– Чем-нибудь, – хладнокровно ответил Должанский. – Мы участвуем в грандиозном социальном эксперименте, Максим Александрович. Не ищите ему аналогов в истории – это бесполезно, мы такие одни. И будьте осторожны. Россия – это мельница, и побежденных она перемалывает быстрее всего.

– Вы пишете? – вырвалось у Басаргина, зачарованного последней фразой. Он не помнил, чтобы собеседник был прежде так с ним откровенен.

– Нет. Я, как вы знаете, слишком близко стою к современной литературе. – Должанский криво усмехнулся. – Это напрочь отбивает охоту братья за перо.

Когда Басаргин вернулся в свой кабинет, к нему подошел изнывающий от груза новостей Глебов.

– Слышал? Черняка посылают к Горькому!

– Да ну! – Писатель сделал непонимающее лицо.

– Что он понимает в интервью? – с досадой сказал Глебов.

– Конечно, ничего, – поддержал его Басаргин. – Тебя надо было послать.

Он иронизировал, но Степа принял его слова за чистую монету:

– Думаешь? Да, я бы смог! Я бы такое интервью сделал, что его бы все газеты цитировали.

– Мне-то ты что это говоришь? – пожал плечами писатель. – Сходи к Оксюковичу.

– Ему не до меня сейчас, – уныло ответил Глебов. – Дерганный он какой-то.

«Из-за Колоскова? – подумал Басаргин. – Или из-за того, что Склянский слетел?»

– Ты про Склянского слышал? – спросил он небрежно.

– Слышал. – Говоря, Глебов нервно оглянулся и понизил голос. – Его из партии исключить хотят. А может, и хуже...

Исключение из партии чаще всего означало, что готовится расправа. Но хотя Басаргина и считали гуманистом, в душе он был далек от жалости к обреченному, по-видимому, Склянскому. Потому что все эти карьеристы поднялись по чужим головам, ломая судьбы. А о Колоскове, ставленнике Склянского, писатель и вовсе был самого нелестного мнения.

Зазвонил телефон на стене, трубку снял шедший мимо художник Окладский.

– Да... редакция... Сейчас. – Он повернулся. – Максим Александрович! Тут вам звонят... Из угрозыска.

Басаргин подошел к аппарату.

– Это Опалин, – сказал голос в наушнике. – Мне сказали, что вы звонили. По поводу очерка, да?

– Совершенно верно, – подтвердил Басаргин, морща лоб и пытаясь вспомнить имя-отчество вчерашнего гостя.

Опалин шмыгнул носом:

– Приезжайте.

– Куда?

– В Большой Гнездниковский, конечно. Хотите видеть, как мы работаем – да пожалуйста. Нам скрывать нечего.

– А когда?.. – заикнулся было писатель.

– Через час. Устроит?

«Лучше бы я поехал к Горькому», – подумал Басаргин, но пересилил себя и буркнул в расположенный на корпусе аппарата микрофон:

– Хорошо.

Он услышал сухой щелчок – на том конце провода повесили трубку. Станным образом писатель почувствовал прилив сил. «Кажется, он желает видеть меня еще меньше, чем я его... Но это не важно. Три очерка – триста строк – починим Варино зимнее пальто. Новое, конечно, купить не удастся – в магазинах черт знает что творится, а коммерческие цены мы не осилим...»

– Если меня будут искать, я на редакционном задании, Поликарп знает, – сказал Басаргин Глебову.

Снаружи сентябрьский день обернул его в тот особенный бархат ранней осени, когда еще не верится, что лето прошло, воздух чист и прозрачен, а листья едва золотятся. Но в трамвае, на который сел писатель, уже не было ни осени, ни бархата, ничего, кроме злобы, безнадежной, как прогорклое масло. Одна гражданка наступила другой на ногу, и они едва не вцепились друг другу в волосы. Потом в вагон влез гражданин с живым поросенком.

– Со свиньями нельзя, нельзя со свиньями! – заверещала вагоновожатая.

Но гражданин проявил чудеса изобретательности: он клялся, что ему проехать «совсем немножечко», совал всем своего поросенка, божился, что это не поросенок, а почти что человек, потому как не глупее некоторых двуногих, и даже выразил готовность заплатить за отдельный билет. Также гражданин сообщил вагоновожатой, что она ужас какая красавица и точь-в-точь похожа на девушку, в которую он был когда-то влюблен.

«Вот ведь люди, – подумал писатель, когда настырный гражданин добился-таки своего и остался в вагоне, – ему говорят, что нельзя, а он гнет свою линию и, хоть и действует самыми примитивными методами, оставляет всех в дураках... А может быть, так и надо? Идти напролом, даже если...»

Тут поросенок некстати вспомнил, что у него есть голос, и начал отчаянно визжать, молотя по воздуху розовыми копытцами. Публика, которая ранее была настроена скорее сочувственно, возмутилась и обрушилась на вагоновожатую. Зачем свинью пустили в вагон? Это безобразие! Куда только милиция смотрит? Есть же правила, которые запрещают перевозку животных в трамваях!

– Понаедут из деревни и ведут себя как дома! – негодовала соседка Басаргина. Сама она, кстати, выглядела как типичная деревня.

Писатель был почти счастлив, когда пришло время выходить. Он добрался до Большого Гнездниковского переуллка, толкнул дверь, выкрашенную казенной коричневой краской, и через несколько шагов уперся в стол дежурного.

– Гражданин, вам кого? – спросил тот, смерив посетителя пристальным взглядом.

– Я из «Красного рабочего», – с достоинством ответил Басаргин, предъявляя удостоверение. – К товарищу Опалину.

– Обождите, – буркнул дежурный и стал кому-то звонить. – Терентий Иванович, тут репортер... Ага, ага...

«Нет, его не Терентий Иванович зовут, а Иван Григорьевич, – вспомнил Басаргин. – Интересно, а Терентий Иванович – кто?»

Но тут явился Опалин собственной персоной, необыкновенно сосредоточенный и одетый в полную форму угрозыска, то есть гимнастерку с зелеными петлицами, брюки галифе и сапоги. На голове у него была фуражка.

– Ваня, тебя гражданин дожидается, – сказал дежурный, глазами указывая на Опалина. – Из газеты.

– Вижу, – коротко ответил помощник агента угрозыска и бросил Басаргину: – Пошли.

– Куда? – необдуманно спросил Максим Александрович.

– Ну ты же хотел посмотреть, как мы работаем? Вот и увидишь.

Переход на «ты» Басаргину не понравился, но он пересилил себя и спросил:

– А где остальные?

– Кто?

– Ну, – протянул Максим Александрович, лихорадочно вспоминая все, что ему попадалось раньше о расследовании преступлений, – доктор, который устанавливает время смерти... дактилоскопист...

- У нас утопленник, - хмыкнул Опалин, - в морге будут делать вскрытие, все напишут в заключении, а отпечатки пальцев - не факт, что их получится снять с трупа. Неизвестно, сколько он в воде провел.

- Так что, вы один всем занимаетесь? - недоверчиво спросил Басаргин.

- Угу. Людей у нас не хватает, - пояснил собеседник, - текучка большая, плюс некоторые еще в отпусках.

- А почему текучка?

- Потому, - отрезал Опалин, и по тону стало понятно, что тема ему неприятна. - Ты об этом писать собираешься?

- Ну... да, наверное.

- Ну вот и напиши, что в угрозыске сверхурочные оплачивают со скрипом, а нам приходится сидеть в засадах, проводить облавы и вообще много чего. В милиции не лучше: платят еще меньше, а требуют больше, чуть что - под суд отдают, а если сволочь какая-нибудь милиционера ударит, ей за это ничего не будет, штраф три рубля заплатит, и все. Вот люди и уходят. Да, я спросить тебя забыл: ты мертвецов не боишься?

- Нет. Я на врача учился.

- Да? И где?

- В Киевском императорском университете, - необдуманно ответил Басаргин и тотчас же об этом пожалел. Вечно тянет его какой-то бес за язык, и сколько раз его Варя умоляла не дразнить гусей...

Но гусь Опалин даже ухом не повел. Он двинулся к выходу, и писатель волей-неволей последовал за ним.

- Нам к храму Христа Спасителя, недалеко от него тело выловили, - сказал помощник агента угрозыска. - Если никто из ребят не согласится отвезти, придется на трамвае ехать.

– У вас же машины есть, – несмело заметил Басаргин.

– Да, но мало. На всех не хватает.

Опалин отправился общаться с шоферами. Двое были заняты, третий ждал начальство, и только четвертый согласился подбросить их до храма.

– Залезай, доктор! – весело крикнул Иван, ловко запрыгивая в открытый автомобиль.

Басаргин сел и, не удержавшись, весьма юмористически стал рассказывать о том, как ехал сегодня в трамвае с гражданином, которого пустили в вагон с поросенком.

– Карманы проверил? – поинтересовался Опалин.

– При чем тут это? – удивился Максим Александрович.

– Да при том, что это мог быть отвлекающий маневр. Один лезет в вагон с поросенком, а другой в это время карманы обчищает, пока все смотрят на первого.

Изменившись в лице, Максим Александрович стал проверять, на месте ли его вещи, но вскоре успокоился, обнаружив, что ничего не пропало.

– Я смотрю, у тебя большой опыт, – заметил он, поглядывая на Опалина. Машина мчалась вдоль реки, шофер зорко следил за дорогой, ветер бил в лицо. – Часто приходится работать в одиночку?

– Я от работы не бегаю, – усмехнулся Иван.

Оставив храм позади, автомобиль затормозил возле небольшой толпы из дюжины зевак, которую сдерживал молодой милиционер в белой форме.

– Ваня, – сказал шофер, обернувшись, – ждать тебя я не смогу, так что сам понимаешь...

– Все нормально, – успокоил его Опалин и, не открывая дверцу, перепрыгнул через нее на тротуар. Басаргин чинно вышел со своей стороны.

– Где труп? – спросил Иван у милиционера после того, как представился и показал удостоверение. Вместо ответа тот кивнул на нечто, прикрытое грязной рогожей. В нескольких метрах от нее перекачивались серо-голубые волны Москвы-реки.

Опалин подошел к грудe, откинул край. Басаргин приблизился и поглядел на то, что не так давно было человеком, а сейчас превратилось просто в мертвое тело. Парень, светлые волосы, мелкие черты лица, довольно приятные, на вздернутом носу веснушки, в воде пробыл недолго – не больше суток, подумал Максим Александрович. Шея была перерезана от уха до уха, рубашка густо заляпана пятнами крови, которые размывала вода, но следы все равно остались. Опалин поглядел на рану на шее и нахмурился.

– Знаете его? – зачем-то спросил писатель, машинально переходя на вы.

– Нет.

Опалин стал ощупывать карманы жертвы. Ничего, ни единой зацепки. Обувки на убитом не было. Иван стал возиться с пуговицами рубашки убитого, расстегнул ее, осмотрел грудную клетку и руки, потом перевернул труп, осмотрел спину и стал изучать голову. «Это он другие повреждения ищет, – сообразил писатель. – Били ли его до того, как перерезали горло, или нет... Вообще всем этим должен заниматься специальный медик. А фотографирование? Ведь место преступления надо сфотографировать, и жертву тоже. Поразительно, просто поразительно. Ни фотографа, ни врача, всем занимается один человек, которому, наверное, и двадцати нет. Как угрозыск кого-то может найти при таком уровне криминалистики?»

– Зарезали из-за сапог? – вслух предположил Басаргин.

– Может быть, – буркнул Иван. Выражение его лица ставило писателя в тупик, и мысленно Максим Александрович попытался расшифровать его. Нет, не отвращение и не скука от рутинного момента непростой работы. «Он пытается определить, – мелькнуло в голове у Басаргина, – кем может быть жертва, хотя

бы приблизительно... Студент? Рабочий? На уголовника убитый не похож, а впрочем...»

- И как же вы будете устанавливать его личность? - спросил он.

- Как? Ну, во-первых, есть заявления о без вести пропавших. Во-вторых, можно дать описание трупа в вашей газете...

- Вам не кажется, что его убил профессионал? - рискнул спросить Максим Александрович.

- Кажется, доктор. Еще как кажется.

Обращение «доктор» Басаргину не слишком нравилось, но спорить он не стал. Писатель отошел на несколько шагов и закурил, а Опалин отправился к милиционеру и стал расспрашивать его об обстоятельствах, при которых нашли тело.

- Я его заметил, мне показалось, что еще живой... Я стал кричать: «Гражданин, что вы там делаете, вылезайте!» Лодка проплывала мимо, рыбаки помогли его вытащить... Это же ужасно, ему, наверное, столько же лет, сколько мне...

Опалин поглядел на взволнованное лицо собеседника - своего ровесника, волею судеб попавшего в ряды советской милиции - и подумал: можно ему сказать, чтобы взял себя в руки. Но врать Иван не любил, особенно тем, кто был на одной с ним стороне.

- На нашей работе, - проворчал он тоном умудренного старца, - еще и не такого нагладишься... Расходитесь, граждане! - добавил он, поворачиваясь к зевакам. - Ничего интересного вы тут не увидите...

Приехала машина - забрать тело, и Опалин, уточнив, что труп увезут в морг второго МГУ, вернулся к Басаргину, который ходил по берегу, дымя папиросой.

- И что теперь? - спросил писатель.

- В смысле?

- Ну, вот ваши действия. Нашли убитого, выясняете его личность, а дальше?

- Дальше? Как обычно. Где жил, с кем общался. Какие конфликты были.

- А если бандиты на улице напали, убили, сняли сапоги и вещи забрали? Ведь у него не только обуви нет, но и вообще ничего в карманах.

- Будем бандитов искать. - Опалин усмехнулся. - Непонятно только, зачем они его до реки дотащили. Обычно, если убивают прохожего на улице, там и оставляют. Труп с собой таскать - веселого мало вообще-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Гарри Пиль (1892–1963) – звезда немецкого кино, актер трюковых фильмов, пользовавшийся в СССР большой популярностью.

2

«Сатирикон» и «Новый Сатирикон» – дореволюционные юмористические журналы, пользовавшиеся огромной популярностью (главный редактор – Аркадий Аверченко).

3

О нем рассказывается в романе «Ласточкино гнездо».

4

Из оперы Чайковского «Евгений Онегин».

Купить: https://telnovel.com/verbinina_valeriya/dom-na-solyanke

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)